ПОД УЛИЦАМИ И ПЛОЩАДЯМИ МОСКВЫ

Московской подземной железной дорогой ежедневно пользуются два с четвертью миллиона пассажиров. Это в двенадцать раз больше, чем в 1935 году, когда открылась первая линия столичного метро. Москвичи по достоинству оценили новый вид городского транспорта, самый скорый и удобный.

Свыше ста километров тоннелей проложено под улицами и площадями Москвы. Сеть подземных путей непрерывно расширяется. Строители завершают сооружение Большого кольца, приступают к работам на трассе пятой очереди, возводят первую в Москве наземную станцию метро.

Что сейчас происходит в недрах столицы?

Вот последний участок Большого кольца метро, который должен вступить в строй в текущем году. Большое кольцо — двадцатикилометровая линия, соединяющая восемнадцать районов столицы и связывающая семь вокзалов. Первые шесть станций, расположенных на этом участке, протянувшемся от Крымской площади до Курского вокзала, открылись, как известно, 1 января 1950 года. В январе 1952 года введены в эксплуатацию еще четыре станции, сооруженные на втором участке — между Курским и Белорусским вокзалами. Сооружаемый сейчас третий отрезок пути с двумя новыми станциями замкнет Большое кольцо.

Бригады проходчиков, вооруженные мощными механизмами, пробиваясь навстречу друг другу сквозь толщу земли, еще в августе взорвали последние метры разделяющей их породы. Маркшейдерский расчет и на этот раз оказался безошибочным: встречные отрезки тоннеля сомкнулись с миллиметровой точностью. Ныне на последнем участке кольца укладываются рельсы, монтируются системы сигнализации и блокировки. Полным ходом ведется отделка двух новых подземных дворцов — станций «Краснопресненская» и «Киевская-кольцевая», монтируются эскалаторы. В архитектуре станции «Краснопресненская» будет отражена славная история революционной борьбы московских рабочих. Оформление «Киевской-кольцевой» посвящается культурному и хозяйственному расцвету Советской Украины.

В эти дни развертываются работы и на трассе пятой очереди московского метрополитена. В состав пятой очереди строительства входят два новых радиуса — Фрунзенский и Щербаковский. Первый из них, длиною в шесть с половиной километров, протянется от действующей станции метро «Центральный парк культуры и отдыха имени А. М. Горького» до нового здания Московского университета на Ленинских горах. На этом радиусе будет сооружено пять новых станций: «Фрунзенская», «Усачевская», «Лужниковская», «Ленинские горы» и «Университет». На Щербаковском радиусе метро, длиною в пять с половиной километров, который прокладывается от Ботанического сада до Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, намечено построить четыре станции: «Ботанический сад» (она будет соединена пересадочным узлом со станцией «Ботанический сад» Большого кольца), «Рижская», «Алексеевская» и «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка».

На новой трассе уже закончены изыскания. Сейчас уточняются данные о геологических условиях на отдельных участках будущих подземных линий. Установлены границы строительных площадок шахт, где развернется сооружение станций, вестибюлей, перегонных тоннелей и наклонных ходов. На Щербаковском радиусе метро строители приступили к сооружению компрессорной станции, которая будет подавать проходчикам сжатый воздух. Началась проходка шахтных стволов.

Скоро столица нашей Родины обогатится новыми прекрасными сооружениями, созидаемыми для блага советского человека.

Учебный год в сети партийного просвещения

МИНСК. (Наш корр.). Писатели Белоруссии будут продолжать в новом учебном году изучение теории марксизма-ленинизма.

— Большинство писателей будет заниматься в семинарах,— сказал секретарь партбюро ССП БССР тов. И. Шамякин. — Семинары ценны тем, что сочетают в себе самостоятельную работу слушателей с контролем и творческим обсуждением изучаемого материала.

В этом учебном году белорусские писатели продолжат изучение курса истории русской философии, начатого в прошлом году. Первые занятия будут посвящены философским произведениям В. Г. Белинского. По сравнению с прошлым годом число участников семинаров значительно выросло.

При Союзе писателей начинает свою работу кружок по изучению истории партии, в котором будут заниматься работники аппарата. Такой же кружок создан для сотрудников газеты «Літаратура і мастацтва».

Двенадцать писателей поступили в вечерний университет марксизма-ленинизма.

**
*

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Партийная организация Союза писателей Узбекистана утвердила план учебы писателей в сети партийного просвещения. Многие писатели учатся сейчас на втором курсе вечернего университета марксизма-ленинизма, среди них: Абдулла Каххар, Мирмухсин, Назир Сафаров. Товарищи, закончившие университет,— Зульфия, Рахмат Файзи, Туйгун, Липко, Иванов и другие,— продолжают самостоятельное изучение теории марксизма. Начинает работать семинар по философии.

Утверждены планы работы семинара и самостоятельной учебы писателей. Будет прочитан ряд лекций о марксистско-ленинской эстетике, теории литературы и т. д.

**
*

ГОРЬКИЙ. (Наш корр.). В прошлом году самостоятельная политическая учеба писателей сочеталась с обсуждением изучаемого материала на семинаре. В новом учебном году семинар продолжает свою работу. Намечено завершить изучение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и начать изучение политической экономии. Наряду с этим писатели будут изучать постановление Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и материалы пятой сессии Верховного Совета СССР.

Некоторые писатели изучают также отдельные произведения классиков марксизма-ленинизма по вопросам философии и языкознания.

**
*

СТАЛИНО. (Наш корр.). К новому учебному году в сети партийного просвещения при Донецком отделении ССПУ организован семинар по изучению истории КПСС по первоисточникам. Участниками семинара состоят 13 литераторов и работников областного издательства.

Часть писателей продолжает самостоятельные занятия.

**
*

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). В новом учебном году большинство киргизских писателей поступило в вечерний университет марксизма-ленинизма. Создан также кружок по изучению истории КПСС. Группа писателей примет участие в теоретических семинарах по философии, политической экономии и марксистско-ленинской эстетике.

Навстречу требованиям потребителей

Часы, выпускаемые нашими заводами, зарекомендовали себя, как точные и долговечные, но их выбор ограничен, внешнее оформление непривлекательно.

Как можно мириться, например, с устаревшей оправой дамских часов «Звезда»? Если покупатель и берет их, то лишь потому, что других в продаже нет. Не лучше положение с производством мужских ручных и карманных часов «Победа». У них бледный циферблат и непривлекательный корпус. Когда появилась новая модель, снабженная водонепроницаемым корпусом и противоударным устройством, она сразу завоевала популярность. Но... часовые заводы остались верны себе: они продолжают выпускать одну треть часов устаревших моделей.

Вот почему Министерство торговли СССР принуждено было обратиться к промышленности с требованием резко увеличить выпуск часов, главным образом новых моделей. После подробного изучения запросов покупателей между Министерством торговли СССР и Министерством машиностроения СССР подписано соглашение о выпуске нескольких новых моделей ручных и, частично, карманных часов.

Дамские часы «Звезда» должны выпускаться в красивых корпусах двух видов. Налаживается производство новых дамских часов «Заря». Они будут миниатюрными — 14 × 18 миллиметров, в металлической и золотой оправе шести видов.

Намного расширяется ассортимент мужских ручных часов. Помимо восьми видов «Победы», будут выпускаться часы с центральной секундной стрелкой, с черным и бронзовым циферблатами. Появится несколько моделей часов спортивного типа: с центральной секундной стрелкой, водонепроницаемых, с противоударным механизмом, светящимися циферблатом и стрелками.

В этом соглашении есть еще один немаловажный пункт: в 1954 году промышленность должна резко увеличить выпуск часов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 117 (3146) Суббота, 3 октября 1953 г. Цена 40 коп.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Т. ЖУРАВЛЕВ

Бывший тракторист Барышников вернулся в МТС.

Он прошел пешком тринадцать километров из дальнего колхоза имени Маленкова, где работал и ездовым и конюхом, и стоял теперь у дверей конторы, не решаясь подойти к столу, за которым директор говорил с другими трактористами. Все они, тоже бывшие механизаторы, пришли сегодня в МТС по призыву партии. Но разговаривая с другими, директор озабоченно посматривал на Барышникова; несмотря на то, что он уже дважды показал ему глазами на стул, тот продолжал стоять у порога, прислонившись к дверному косяку плечом.

В свое время Барышников пользовался уважением. Не был он ни передовым, ни отстающим трактористом, но работал добросовестно и, главное, без шума. Правда, способность эта работать молча несколько смущала молодого замполита Хайрулина, и он, безуспешно пытаясь вызвать тракториста на разговор или уговорить его выступить на собрании с речью или взять на себя какое-нибудь обязательство, в конце концов махнул рукой: «А кто его знает, что у него в мыслях». Короче говоря, Барышников не числился в активе у замполита. Но прошлой осенью, когда в ненастную погоду после обильных дождей ударил мороз и к ночи завихрила метель и замполит на рассвете собрал трактористов, поставив им задачу допахать последние гектары, в контору неожиданно просунулся мокрый с головы до ног Барышников и доложил, что земля уже допахана. Вот тогда восторженный Хайрулин сказал о трактористе, что это было его первое и, пожалуй, самое удачное выступление.

**
*

В августе мы с агрономом Васильевой навестили Барышникова в поле, когда он скирдовал солому. Я приблизительно знал, почему он ушел из МТС, и теперь хотел послушать самого Барышникова.

Бывший тракторист встретил нас недружелюбно.

Было понятно его состояние. После того, как замполит, безуспешно пытаясь удержать его на работе, в конце концов махнул рукой и обозвал с досады саботажником: чего же хорошего можно ждать от журналиста.

— Вы бы оставили меня в покое, — попросил он. — Я ведь с МТС рассчитался начисто.

Но у нас было к нему дело, и далеко не шуточное. Директор МТС Хакимов и механик Кадыров жаловались мне, что с каждым годом им становится трудней удерживать на работе старые кадры механизаторов. За последнюю зиму ушло из МТС по разным причинам двадцать шесть трактористов: семь — по уважительным причинам, а все остальные девятнадцать, или, как называет их замполит, «прочие», — кто куда: одни в колхоз, другие на производство. Между «прочими» оказался и Барышников.

— Как же ты променял на коня свой трактор? — упрекнула его Васильева.

Барышников пригласил нас присесть под скирдой.

Колхозники, закончив работу, пошли обедать; Барышников отпустил своего отпряженного чалого по жнивью, и мы, усаживаясь на соломе, рассчитывали на долгую беседу.

— Сперва покурим, — предложил Барышников.

Но прежде, чем достать кисет, он вытащил из кармана кусок хлеба, разломил его на три доли и предложил нам попробовать. Я пожевал немного.

— Хлеб неважный, — сказал я Барышникову.

— Горький, — согласилась Васильева, — должно быть, из высевок.

— Вот с этого куска и начнем разговаривать,— сказал, обращаясь ко мне, Барышников.

Васильева, считая свою задачу выполненной,— Барышников заговорил,— ушла на ток, где гудела молотилка, домолачивая последние снопы яровой пшеницы.

— Я заработал на тракторе за сезон двадцать четыре пуда, — сообщил Барышников. — Подошла пора получать их, председатель одиннадцать пудов списал за питание, что выдавало мне правление из кладовой весной и осенью, а остальные тринадцать—подумал, подумал —и всыпал озадки. То, что никому не гоже, трактористу сойдет, все равно, дескать, от него в колхозе мало прибыли.

— Да-а, — затянулся он дымом, — получил я те пуды и голову ломаю, куда же с этим хлебом. Семья у меня, дай боже каждому — четыре едока, и все еще несознательные, — улыбнулся он, — в школу не ходят... Тут у меня и получился этот самый разнобой, как говорит Хайрулин, личного с общественным.

Барышников замолчал. Погрустневшее лицо его стало обиженным, а серые сердитые глаза виновато смотрели в землю. Я почувствовал, что замполит окончательно сбил его с толку этими разговорами о личном и общественном. Видимо, эти слова, с которыми надо обращаться осторожно, в понятии замполита были несколько иными, чем в понятии самого Барышникова.

— Ты, говорит, не любишь технику. А я ведь с этой техникой и вырос, — пожаловался Барышников. — Услышу вечером, трактор стрекочет за выгоном,—и душа заходится. Никак не могу отвыкнуть. Помню, еще мальчишкой бегал за первым трактором. Босиком. По всей деревне. А на первых бороздах, бывало, даже землю нюхаешь, и кажется, что пахнет она поновому. И тракторист, бывало, первый человек в деревне. А теперь... О трактористах даже песни перестали петь...

В поле за полдень тянуло осенней прохладой, но под скирдой, на солнечной стороне, было нам уютно в соломе и нехолодно. Мысли только у нас были пока еще неуютными. То, что рассказывал мне Барышников, я уже слышал от многих трактористов, и не только в этой МТС. Мне теперь хотелось подвести черту этим рассказам, и я терпеливо ждал от Барышникова теплого слова. Не может быть, чтобы он, когда-то бегавший с таким восторгом за первым трактором, а после работавший на таком же тракторе много лет, совсем потерял надежду вернуть трактористам их былую славу.

— Это еще хорошо, если трактор не капризничает, — тем не менее продолжал в том же духе Барышников. — А то начнет спотыкаться на каждом круге, и подавно ничего не сделаешь. Только намучишься. Беда с этими запасными частями. Почему же их не присылают? Взять хотя бы компрессионное кольцо. Пустяк. Ей-богу, каких-нибудь тринадцать копеек стоит, а нет его. В прошлом году обещали на сорок тракторов двадцать пять комплектов, по разнарядке, а выслали только два. И не только нам, колесникам, достается, и дизельники бедствуют, на гусеничных. И все из-за мелочи. Даже в зло кидает, сколько у нас машин, и каких! Можно бы ими всю землю перевернуть, а нет же, все упирается в мелочи. Смотришь, у одного мотор заглох, потому что головка лопнула,— с этими головками беда, законного срока не выдержат; у другого поршневая группа сработалась, у третьего пускач отказал, а заменить их нечем.

В это время с колхозного тока вернулась Васильева.

— Ага, — сказала она, радуясь, что Барышников разговорился, — уже и ругаться начинаешь.

— Тут поневоле заругаешься, — виновато ответил он.

Васильева, усаживаясь рядом, подмигнула мне: «Вот, кажется, и дошли до главного».

— А тут еще обидели тракториста нормой, — рассуждал Барышников. — Я, правда, не против нормы, если ее составили по жизни. А то ведь карусель получается. Дали мне в прошлом году за комбайном солому стаскивать: двадцать гектаров на день. Норма, если убирать за «сталинцем», правильная. Потому что у «сталинца» и копны высокие, и в поле разбросаны редко. А вот попробуй эту норму вытянуть за «коммунаром». Копны у него такие — раз воткнешь вилами, и нет ее, да еще и по всему жнивью рассыпаны, через каждые три-четыре метра. Возишь с зари до зари, и хорошо, если десять гектаров очистишь. Да и с горючим неладно получается. Нормы устанавливаются без учета особенностей почвы. В прошлом году весна у нас была тяжелая, в МТС перерасход горючего дошел до сорока тонн. Решили втихомолку покрывать его на черном паре, а это значит пахать его только для виду, — кое-как поцарапаешь, лишь бы земля была черная...

— Не допущу до этого, — вмешалась Васильева, — оштрафую. От меня в землю концы не спрячешь.

— Прятали, Сергеевна, — улыбнулся Барышников.

— Жаль, что тебя теперь штрафом не достанешь. Выгоду ищете! — возмутилась Васильева.— До урожая вам дела нет!

— Красивые слова, Сергеевна, — покивал ей головой Барышников и, обращаясь ко мне, продолжал: — Я хочу сказать, что сработаешь хорошо — штраф за пережог, а придержишь горючее — штраф за качество; от одного увернешься, на другой наскочишь, — так между этими штрафами и крутишься до осени. Тракторист висит, как неприкаянный, между МТС и колхозом. Чей он? Председатель требует с одной стороны, директор—с другой, тракторист обязан делать и то и другое, а кто из них обязан позаботиться о трактористе...

Барышников поднялся и, отряхнув полову, ушел за чалым.

Васильева посмотрела на меня.

— Видишь, до каких мыслей докатился, — удивилась она.

— Плохо он работал? — спросил я Васильеву.

— Нет, не скажу. Правда, с неба звезд не хватал, но землю пахал как следует.

— Почему же вы его не удержали?

Васильева пожала плечами.

— И все-таки многие работают даже при этих условиях, — возразила Васильева, пытаясь чем-нибудь себя утешить.

Но это был не довод. Я напомнил ей, что из этих многих уже подали заявление об уходе еще семь человек. Даже такие старожилы МТС, как Амина Шамсиева, комсомолка, и коммунист Хусаинов, бывший танкист, награжденный четырьмя орденами. Стало быть, с трактористами не все благополучно, и Барышников высказал далеко не такие уж отсталые мысли. Во всяком случае, к ним нельзя остаться равнодушным.

Барышников уже запряг коня и пригласил нас в телегу. Он может подвезти до своей деревни.

**
*

А теперь он стоял у дверей конторы, прислонившись плечом к дверному косяку, и внимательно слушал, о чем говорят другие трактористы. Хусаинов, конечно, берет заявление обратно. Неделю назад он просил директора отпустить его на производство поработать шофером, хотя бы на год. Теперь же он уверен, что заработки повысятся, станут устойчивыми.

— Только с уговором, — оперся тракторист ладонью о газету, — не колесить по всему району.

Он требовал приблизить трактористов к своей деревне. Хватит перебрасывать лучших трактористов из одной бригады в другую — «на затычку». Прошлое лето Хусаинов работал в семнадцати километрах от своей деревни. А напарника его Насибуллина в этом году загнали еще подальше— за двадцать четыре километра от дома.

— Этак и обуви не напасешься ходить из одного конца района в другой, и харчей на себе из дому не натаскаешься, — доказывал Хусаинов.

Другой тракторист, Аленин, допытывался у директора.

— Значит, если будем в штате, то и отпуск положен и больничный выпишут?

Третий, Борисов, которого дважды колхоз обидел хлебом, вернулся в МТС, потому что будет получать отныне заработанный хлеб не в колхозе, а от государства...

Поговорив со всеми, директор, наконец, повернулся и к Барышникову.

— Ну, — спросил он, улыбаясь, — возвращаешься?

— Да, — сказал Барышников. Он показал глазами на газету, в которой было напечатано постановление Пленума ЦК партии. — Возвращаюсь.

На следующее утро мы были в поле на первой борозде Барышникова. Широкая, в четыре волны, протянулась она из края в край и отливала на солнце черным глянцем. В синеватой дымке за трактором кружила стая грачей и галок.

Небо над нами было чистое, но под ногами, понизу шнырял уже холодный ветер. Он шелестел жнивьем и ерошил по-весеннему зеленые, под осень бархатные сорняки, пока еще не запаханные плугом. Приближалась та пора, когда все дали видны особенно отчетливо, и чем холоднее в поле, тем ярче светит солнце.

Девликеевская МТС,
Татарская АССР.

Минск строится. Новые жилые дома на Вокзальной площади.

Фото М. Альперта

Международные отклики

ПУТЬ К МИРУ

Задолго до опубликования новой советской ноты о созыве совещания Министров Иностранных Дел западногерманская буржуазная печать строила всевозможные догадки, распространяла различные небылицы о позиции Советского Союза.

Легко себе представить, какой шум подняла западногерманская пресса, когда было получено сообщение о том, что новая советская нота направлена посольствам Франции, Англии, Соединенных Штатов! Хотя ни одна редакция еще не располагала текстом ноты, но тем не менее все реакционные газеты по ту сторону Эльбы и в западных секторах Берлина резко усилили антисоветскую клеветническую кампанию. Так, например, западноберлинская газета «Дер таг» прямо заявила: «Не может быть и речи о согласии на предложение Москвы». Другие газеты, пытаясь заранее оправдать агрессивную позицию американо-боннских кругов, сбивали с толку своих читателей туманными мудрствованиями. Спустя два дня западногерманская буржуазная газета «Маннгеймер морген» по поводу этих неуклюжих пропагандистских маневров иронически писала:

«Итак, как всегда, со ссылкой на хорошо осведомленные источники, нам презентуют четыре версии:

1. Москва предлагает конференцию пяти держав вместо одного совещания для обсуждения вопросов, касающихся Германии и Австрии.

2. Сначала конференция четырех держав, потом конференция пяти держав.

3. Сначала конференция пяти держав, потом конференция четырех держав.

4. Конференция пяти держав и конференция четырех держав одновременно.

Нам кажется, журналистская быстрота — это хорошо и великолепно; но в таком серьезном деле лучше было бы сначала в самих редакциях внимательно прочитать ноту и подумать о том, дает ли она основание для дальнейших переговоров и какие выводы из нее надо сделать».

Однако совет «Маннгеймер морген» пропал попусту. Ни аденауэровская клика, ни ее послушный рупор — реакционная печать не заинтересованы в переговорах, в ослаблении международной напряженности. Об этом свидетельствует, в частности, заявление боннского вице-канцлера Франца Блюхера. Комментируя новую советскую ноту, он тут же потребовал... «осуществить создание Европейского оборонительного сообщества». Ясно, что американо-боннским любителям агрессивных блоков и пактов не по душе советская нота, направленная к мирному урегулированию германской проблемы. Они боятся влияния ясных и конкретных советских предложений на настроения немцев. Вот почему реакционная печать пытается извратить смысл советской ноты, вот почему на ее страницах невозможно найти что-либо похожее на здравое суждение о предложениях Советского Союза.

Широкий отклик нашла советская нота на страницах газет Германской Демократической Республики. Почти все они посвятили ноте передовые статьи. В газете «Берлинер цейтунг» передовая озаглавлена «Готовность к переговорам». Газета подчеркивает, что советская нота «отличается опять-таки кристальной ясностью предложений, — как надо взяться за спорные вопросы, в том числе и за германский вопрос». Газета пишет, что общегерманские выборы являются внутренним делом самих немцев и этот вопрос должен решаться самим германским народом без вмешательства иностранных государств. «Это, разумеется, точка зрения каждого немца, в душе которого теплится хотя искра национальной гордости»,— заявляет «Берлинер цейтунг».

С передовой статьей о советской ноте выступила и другая берлинская газета «Националь-цейтунг». Поддерживая содержащуюся в ноте критику позиции западных держав, газета указывает: «Противоречия между словами и делами западных держав объясняют тот факт, что через восемь лет после окончания войны западные державы все еще не намерены вести переговоры о мирном договоре, хотя Потсдамское соглашение обязывает их к этому и хотя уже давно имеются четкие предложения Советского Союза».

Люди разных профессий, социального положения выступают на страницах демократической прессы с горячей поддержкой советской ноты. В поддержку предложений Советского правительства, выдвинутых в ноте от 28 сентября, выступил известный берлинский ученый-физик и активный деятель движения сторонников мира профессор Роберт Хавеман. Георг Счипа, сменный мастер на заводе цветных металлов в Инденбурге, заявляет: «Нота вновь показала населению Германии, с чьей стороны только и могут притти предложения о действительно мирном урегулировании немецкого вопроса».

Бернгард Гундлах, мастер народного предприятия «Офенбаум» в Лейпциге, особенно горячо поддерживает предложение Советского правительства о том, чтобы на совещании пяти великих держав обсудить вопрос об уменьшении международной напряженности. Гундлах пишет: «Такая конференция могла бы освободить человечество от кошмаров военной угрозы и явиться исходным пунктом для мирного соглашения великих держав о быстрейшем объединении Германии. Но для этого западным державам нужно больше доброй воли».

Как известно, Советское правительство дважды направляло правительствам западных держав проект основ мирного договора с Германией, предлагая обсудить этот проект или представить для рассмотрения свой проект мирного договора. Прошло полтора года, но правительства западных держав не высказали своего мнения по поводу советского проекта мирного договора с Германией и сами не представили собственных проектов. По мнению газеты «Дер морген», этот факт показывает, что «западные державы не желают соглашения. В своих многоречивых нотах они только плетут словеса вокруг да около и делают это с той целью, чтобы скрыть свои истинные намерения. А какого рода эти намерения, ясно до тошноты из политической практики этих правительств, из повседневных событий, из всего предпринятого ими».

Советская нота в эти дни является предметом оживленных дискуссий не только на страницах газет, но и в немецких семьях, на улицах, на предприятиях, в полях. Честные немцы сознают, что предложения Советского правительства указывают путь к мирному разрешению германской проблемы.

В. ПЕСТОВ

БЕРЛИН, 2 октября. (По телефону).

Иржи Марек у московских писателей

В СССР гостит один из популярных прозаиков Чехословакии, лауреат Государственной премии Иржи Марек. Советские читатели знают его по роману «Деревня под землей», сборнику рассказов «Над нами рассвет». В 1950 году И. Марек посетил Советский Союз и написал книгу очерков и рассказов о советских людях — «Радостные встречи».

На днях Иржи Марек побывал в гостях у московских писателей. В. Ажаев по просьбе И. Марека рассказал о деятельности комиссии по работе с начинающими авторами и комиссии по кинодраматургии Союза советских писателей. И. Марек ознакомился с планом издания книг в помощь молодым писателям.

Иржи Марек поделился впечатлениями о пребывании в Ленинграде и Киеве, рассказал о наиболее интересных произведениях чехословацких писателей, вышедших за последнее время, о популярности, которой пользуется в Чехословакии советская литература.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **На сцене азербайджанского театра.** Пьесой грузинского драматурга И. Мосашвили «Потопленные камни» открылся новый сезон в Кировабадском драматическом театре. В репертуаре театра пьесы драматургов братских республик: узбекского — А. Каххара «Шелковое сюзанэ», туркменского — Г. Мухтарова «Честь семьи», осетинского — А. Токаева «Женихи», армянского — А. Ширванзаде «Намус» и др.

* **Музыкальные школы.** В Искитиме, Новосибирской области, открылась городская музыкальная школа. Новая музыкальная школа открылась также в Октябрьском районе Новосибирска. За послевоенные годы количество детских музыкальных школ в области увеличилось почти в четыре раза.

* **Сельские клубы.** В селе Сорвижи, Арбажского района, Кировской области, вступил в строй новый клуб на триста мест. Новые сельские клубы открыты в Омутнинском, Оричевском и многих других районах. Всего к концу года в области будут работать 574 сельских и 363 колхозных клуба.

* **Уникальная ваза.** На заводе художественного стекла (Ленинград) закончено изготовление новой уникальной вазы из хрусталя и рубинового стекла высотою 130 сантиметров. На одной из ее сторон изображены государственные флаги Китайской Народной Республики и СССР, на других сторонах — рельефный силуэт дворца в Пекине и силуэт Спасской башни московского Кремля. На венце вазы — рельефные гербы СССР и Китая; золотом написано: «Пусть крепнет и процветает великая дружба Китайской Народной Республики и Советского Союза». Сложная художественная работа выполнена по эскизам художника Ю. Мунтана стеклодувом Б. Ереминым, гравером П. Пороховым и алмазчиками В. Горбуновым и Н. Савиным.

* **Новые лечебные учреждения.** В Кишиневе, в районе дачных поселков, выросло трехэтажное здание республиканской детской клинической больницы. Создаются кабинеты для научной работы, лаборатории, оснащенные новейшей советской аппаратурой. Больница представляет собой целый городок. Новые лечебные учреждения создаются в Болотине, Корнештах, Олонештах, Унгенах.

* **Дома культуры и клубы.** В Туле открылся Дом культуры металлургов, имеющий зрительный, лекционный и физкультурный залы, библиотеку, комнаты для работы кружков художественной самодеятельности. В области строится еще десять домов культуры и клубов, в частности в пяти шахтерских поселках.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПОЧЕМУ ОТСТАЕТ РЫБОВОДСТВО?

Наша страна занимает первое место в мире по количеству и площади внутренних водоемов: рек, озер, водохранилищ, прудов.

В этих водоемах можно вылавливать огромное количество рыбы. В большинстве случаев ее не нужно перевозить за тысячи километров и можно использовать как ценный продукт питания вблизи мест лова.

Между тем общий улов рыбы в стране растет лишь в открытых морях и океанах. Уловы же во внутренних водоемах за последние годы не растут, а, наоборот, сокращаются. Уменьшились уловы осетра, севрюги, белуги, стерляди, лосося, белорыбицы, рыбца и других ценнейших пород рыбы.

Чем же вызвано это сокращение?

Работники рыбной промышленности до сих пор смотрят на внутренние водоемы, как на участок трудной и неблагодарной работы. Конечно, добиться здесь увеличения улова труднее, чем в открытых морях: нужно постоянно и настойчиво заниматься воспроизводством рыбных ресурсов, делая все необходимое для этого заранее, за несколько лет до вылова рыбы.

Рыбоводные работы во внутренних водоемах ведутся сейчас в малых размерах, темпы их не соответствуют требованиям хозяйства, не налажена и правильная организация рыбоводства.

Меры по рыбоводству и рыболовству необходимо осуществлять в едином комплексе. К сожалению, это не проводится.

Большую часть рыбы во внутренних водоемах добывают рыбаки-колхозники. Они заинтересованы в сохранении и приумножении рыбных ресурсов. Однако руководители рыбной промышленности почти не привлекают рыболовецкие колхозы и фермы к рыбоводству. Даже те небольшие работы, которые ранее осуществляли рыболовецкие колхозы, в последнее время сокращены.

Гидротехническое строительство на Волге, Дону, Днепре, Оби, Иртыше и других реках нашей страны сопровождается созданием новых больших водохранилищ. Специальная подготовка и очистка ложа в новых водоемах, возможность продуманно и планомерно заселять их рыбой — все это создает особенно благоприятные условия для рыбоводства. Большие работы уже проведены, например, на Цимлянском водохранилище. Выпущенная здесь молодь сазана, леща и судака растет и развивается быстрее, чем в других водоемах.

Однако нужно не забывать о тех трудностях, которые возникают в связи с гидростроительством. Плотины прекратят проход к нерестилищам лососю, осетру, севрюге, белуге, белорыбице, рыбцу, шемае, которые живут в море, но размножаются в реках. Плотина Сталинградской ГЭС, например, отрежет от моря нерестилища белуги и белорыбицы, а также значительную часть нерестилищ осетра, севрюги и проходных сельдей.

Значит, уже сейчас необходимо проводить в жизнь меры, которые должны предотвратить эту угрозу. Впоследствии будет очень трудно исправить упущенное. Об этом говорит печальный опыт прошлых лет, когда резко сократились уловы лосося в Куре, сигов — в Волхове, вырезуба — в Южном Буге.

Однако из этого опыта не было извлечено необходимых уроков. Запаздывает строительство важных рыбоводных объектов. Волгодонстрой, например, не закончил своевременно сооружение рыбоподъемника к плотине Цимлянской ГЭС. Из-за этого летом 1952 года перед плотиной скопилось огромное количество проходных рыб, особенно рыбца и сельди. Рыба частью погибла, частью не смогла успешно размножаться. Некоторые породы рыб нерестятся в течение своей жизни только один раз; выпадение одного поколения приносит большой ущерб, и компенсировать его трудно. Если бы в этих районах были построены рыбоводные заводы, то это позволило бы не только сохранить, но и увеличить рыбные ресурсы.

Нельзя допускать отставания рыбоводных работ от гидростроительства. Нужно сделать все, чтобы белуга, осетр, севрюга, лосось, белорыбица, рыбец, шемая и ценнейшие проходные сельди не разделили судьбу волховского сига.

Это требование тем более справедливо, что способы сохранения и увеличения рыбных ресурсов при гидростроительстве хорошо известны. А затраты на воспроизводство рыбных ресурсов в районах гидросооружений сравнительно невелики и скоро окупаются.

Но, несмотря на это, рыбоводные работы отстают от гидростроительства чуть не на пять лет! В 1955 году будет построена Куйбышевская ГЭС. Но строительство рыбоводных заводов на Волге только что начато. Такое же отставание наблюдается и на Куре и на Дону. Все это связано с явной недооценкой рыбоводства во внутренних водоемах.

Предприятия рыбной промышленности не ведут необходимых работ по воспроизводству рыбных ресурсов Азово-Черноморского, Кура-Каспийского и других районов, опаздывают на много лет с проектно-изыскательскими работами, не могут наладить строительство рыбоводных заводов и хозяйств, а уж если принимаются за него, то строят плохо. В прошлом году, например, было сдано в эксплуатацию экспериментальное рыбоводное хозяйство на Дону с таким количеством недоделок, что оно и до сих пор не функционирует нормально.

Научно-исследовательские институты рыбной промышленности мало занимаются вопросами воспроизводства рыбных ресурсов. В низовьях Волги, Куры, Дона имеются лишь небольшие лаборатории институтов рыбного хозяйства, а в низовьях Днепра и Кубани даже и таких нет. Работы по выведению новых ценных пород рыб для водохранилищ проводятся слабо, в таком же состоянии исследования по акклиматизации рыбы. Переселение кефали в Каспий, сигов — в озера Урала и Кавказа и другие успехи рыбоводов были достигнуты еще в довоенные годы. Говорить сейчас о них — значит хвалиться былыми успехами.

Вопросами воспроизводства рыбных ресурсов занимаются научные работники биологических факультетов педагогических институтов и университетов, институтов Академии наук, но их работа слабо координируется.

Большинство институтов не разрабатывает важные темы, связанные с рыбопропускными сооружениями и мелиоративными системами. Зато другими, менее сложными исследованиями занимаются многие дублирующие друг друга научные учреждения. Так, например, на Рыбинском водохранилище рыбохозяйственные исследования в водоеме проводят две станции и один институт. Причем все они относятся к трем различным ведомствам.

В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану указывается: «Осуществить проведение больших работ по рыбоводству с целью увеличения рыбных запасов, особенно во внутренних водоемах».

Министерство промышленности продовольственных товаров СССР призвано обеспечить коренной перелом в работах по рыбоводству.

Лауреат Сталинской премии **Г. БЕЛЛАВИН, В. ЯРОШ**

Валентин ЛАГОДА

МОЯ РУКА

Рассказ тракториста

Я работал трактористом,
И неплохо, ей-же-ей,
Да Макар Лукич речистый
В центр сманил меня с полей.

Начал ездить я в машине
При Макаре Лукиче,
Не на траках, а на шинах,
В персональной, в «Москвиче»!

Управлялся, хоть вначале
Непривычен был режим:
Не с утра мы выезжали,
Возвращались поздно с ним.
И зачах я от печали
По родным полям своим.

Как мы с ним подъедем к главку,
Стой с машиною своей,—
За такое время лавку
Можно выдать. Ей-же-ей!
Заседанья, инструктажи...
Станут планы утрясать,
Так за это время даже
Можно поле распахать!
А начнется косовица —
Просто вытянутся лица:
Пять собраний в ночь, подряд.
На ногах весь аппарат.
Где уж утром взяться силе?
Будто бы всю ночь косили.

Ну а я? А я в кабине
На спине лежал, свистел,
Пролежни видны доныне,—
Хоть проверьте. Очумел!

А ведь с самого рожденья
Находился я в движеньи.
Любо мне такое дело,
Чтоб горело,
Чтоб кипело,
Чтобы, своротивши горы,
На гулянке бить подборы
Под гармони переборы,
Чтоб старушки удивлялись,
Чтобы девушки влюблялись,
Говорили деды: — Да...
Ох, и парень — хоть куда!

Я к начальнику толкнулся:
— Отпусти, Макар Лукич!
— Э! — начальник усмехнулся,
— Что ты, братец, порешь дичь?!
Ну, чего, чего надулся,
Словно сыч?
Ездишь в городе в машине
При Макаре Лукиче,
Не на траках, а на шинах,
В персональной, в «Москвиче»!

Расскажу вам все, что было:
Стал веселым я опять —
С Лукичом нас рассудила
Партия — родная мать.
В министерстве мы столкнулись
С глазу на глаз — я и он.
И друг другу улыбнулись:
— Что ж, расчет?
— Вопрос решен!

Ну и рад я был,
Тем паче —
Нрав-то у меня горячий!
Мой, выходит, перевес:
Возвращаюсь в МТС.

Снова трактор стал водить я,
Все в порядке, все нормально.
Комната есть в общежитьи,
Я живу в ней! Персонально!

А вчера иду близ леса,—
Я с работы возвращался,—
Вдруг директор эмтээса
Мне дорогой повстречался:
— Вы домой?
— Шагаю к дому.
— Выручайте: агронома
Нам прислали в МТС.
А шофер мой из райкома
Не вернулся. Вот зарез!

На вокзал гоню машину,
Надо выручить людей.
Только вылез из кабины,—
Вдруг меня толкнули в спину...
Сам Макар Лукич, ей-ей!
Поглядите на картину:
Вновь судьба свела друзей!

— На ревизию сюда?
— Нет, дружище, навсегда!
Я доволен — словом честным
Поручусь не сгоряча,—
Что прислали в МТС нам
Агронома — Лукича!
Улыбнулись оба вместе:
— Партия решила так!
— А скажи-ка мне по чести:
Ты писал в ЦК, земляк?..

Дома перечел с волненьем
Славное постановленье
И решил в душе своей:
«Прав Макар Лукич, ей-ей:
Хоть не я писал в ЦК,
В тексте и моя рука!
До чего ж она крепка!»

Перевела с украинского **В. ЗВЯГИНЦЕВА**

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

Турнир в Швейцарии

Международной шахматной федерации (ФИДЕ) удалось организовать очень сильный турнир претендентов на матч с чемпионом мира М. Ботвинником. Играют представители семи стран: девять советских гроссмейстеров и по одному гроссмейстеру от США, Венгрии, Голландии, Аргентины, Швеции и Югославии. Долгое время было неясно—примут ли участие в турнире экс-чемпион мира М. Эйве и гроссмейстер С. Решевский. Говорили, что Эйве, который последнее время выступал неудачно даже в небольших турнирах, откажется от соревнования с сильнейшими гроссмейстерами мира. Однако Эйве еще задолго до начала турнира начал готовиться к нему и, как показала первая половина соревнования, находится в хорошей спортивной форме.

Гроссмейстер Решевский, при поддержке своих американских почитателей, развернул одно время кампанию за право играть матч с чемпионом мира без каких-либо отборочных турниров. Это означало бы ликвидацию той строго объективной системы борьбы за первенство мира, которую утвердила ФИДЕ. Поэтому Международная шахматная федерация отклонила американский вариант и предложила Решевскому доказать свою силу в турнире. Решевский тщательно готовился к соревнованию, выступал в ряде турниров, сыграл с Найдорфом матч в 18 партий ($9\frac{1}{2} : 8\frac{1}{2}$ в пользу Решевского).

В Швейцарии съехались сильнейшие претенденты на матч с М. Ботвинником — представители нескольких поколений шахматистов. Среди них есть шахматисты, которые встречались с чемпионом мира еще прошлого века Э. Ласкером, с Х. Р. Капабланкой и А. Алехиным. Есть и представители молодого поколения, впервые участвующие в столь ответственном международном соревновании. Самый старший из участников — экс-чемпион мира Макс Эйве — родился в 1901 году, самый молодой — Тигран Петросян—в 1929 году. Но в первой половине турнира более успешно выступало среднее поколение.

Уже первые дни борьбы показали, что среди участников нет заведомо слабых, играя с которыми можно рассчитывать на легкую победу. К тринадцатому туру только два гроссмейстера из пятнадцати не имели поражений. Это были В. Смыслов и С. Решевский. Но в тринадцатом туре Д. Бронштейн одержал победу над американским гроссмейстером, и теперь без поражений идет только лидер турнира Смыслов. Он выиграл пять партий — у Эйве, Штальберга, Глигорича, Кереса и Геллера и одиннадцать партий свел вничью. Таким образом, в 16 партиях Смыслов набрал $10\frac{1}{2}$ очков. По $9\frac{1}{2}$ очков имеют Бронштейн и Решевский. 9 очков у Найдорфа и $8\frac{1}{2}$ очков у Кереса. К этой ведущей группе участников вплотную примыкают Болеславский, Котов, Петросян и Эйве, набравшие по 8 очков.

Борьба в полном разгаре. Надо сказать, что турнир отличается не только сильным составом участников, но и своей продолжительностью — соревнование рассчитано на 54 дня (считая дни доигрывания и отдыха).

Некоторые гроссмейстеры, учитывая продолжительность соревнования, решили играть на старте рискованно, чтобы в случае успеха вырваться вперед. Ведь неудачу на старте всегда можно исправить на длинном пути! Так, мне кажется, построили свою тактику Котов, Геллер и Тайманов. Их постигла неудача, но, как мы видим, все трое продолжают бороться в полную силу. Разыгрался Котов: в последних пяти турах он набрал четыре очка и приблизился к ведущей группе участников.

До конца турнира осталось еще тринадцать туров; по существу, борьба за первое место только начинается. Лишь один гроссмейстер Штальберг, имеющий четыре очка, не может бороться за первое место. Остальные четырнадцать гроссмейстеров могут рассчитывать на самые высокие места.

Гроссмейстер **В. РАГОЗИН**, вице-президент ФИДЕ

ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА

ГУСХИЗ...

В комнату, наполненную табачным дымом, запахами сургуча и пыльных бумаг, оглашаемую треском канцелярских механизмов, которые, кажется, и сеют, и убирают, и поднимают зябь на соответствующую глубину, вошел посетитель — пожилой человек с загорелым лицом.

— Здравствуйте! — приветливо пробасил он.

— Вы по какому вопросу?—сухо спросила секретарша.

— Я насчет агротехники...

— А вы кто такой?

— Колхозник. Моя фамилия Гарбузенко.

— Колхозник! В нашем Гусхизе есть определенный порядок...

— Где, где?

— В Гусхизе, говорю... В Городском управлении сельского хозяйства и заготовок...

— А-а! А я-то думал, что вы насчет гусей... Дело у меня вот какое. У наших агрономов разноголосица. Участковый говорит одно, районный — другое, колхозный — третье. Вот взять, к примеру, пятое поле на северной низине за Малгобеком. Это золотое дно. А урожай там такой, что перед всеми стыдно...

В это время открылась дверь кабинета начальника Гусхиза. Узнав, что к ней пришел посетитель, начальник управления Антонина Сергеевна Кочнева пригласила Гарбузенко к себе. Вскоре в кабинете собрались все специалисты управления: главный агроном Удовиченко, агроном Афанасьева, главный зоотехник Астрасова, главный ветврач Оробец, заместитель по колхозному строительству Холодионов, землеустроитель Красиков, заместитель по заготовкам Сержанов.

А потом появился и заведующий сельскохозяйственным отделом Малгобекского горкома партии тов. Дулаев вместе с агрономами МТС.

Гарбузенко говорил:

— Мы не выполняем планов урожайности... Нам не хватает культуры, знаний... А сколько тут вас в комнате сидит специалистов! Вы нам позарез нужны... Но получается так, что вы пишете только отчеты, а делом вам заниматься некогда. Подумать только: в нашем районе всего один колхоз, а над ним сколько руководителей. Куда это годится?..

Действительно, куда это годится?

Артель «По сталинскому пути» — единственная в Малгобекском районе. Малгобекскому району, по штатному расписанию Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР, положено иметь свое сельскохозяйственное управление с отделами, со штатом из 18 специалистов сельского хозяйства, главного бухгалтера, бухгалтера-ревизора, двух конюхов и уборщицы. И такой штат существует! Вы скажете — это невероятно! К сожалению, это факт. То, что в районе всего лишь один колхоз, — это никого не интересует. По справке, полученной нами в Министерстве сельского хозяйства и заготовок республики, бездействующий аппарат Гусхиза стоит государству ежегодно 250 тысяч рублей.

Работники управления изнывают от безделья. Сейчас многие специалисты сельского хозяйства по призыву партии добровольно едут из городов на работу в деревню. А в Гусхиз на днях Министерство сельского хозяйства и заготовок Осетии прислало еще одного специалиста на... вакантную должность заведующего отделом заготовок.

Между тем в самом колхозе есть агроном и два зоотехника. Есть специалисты сельского хозяйства в Малгобекской МТС, обслуживающей все тот же один колхоз. Наконец, единственной артелью руководит сельскохозяйственный отдел в горкоме партии...

Подсчеты показали, что в районе около ста человек обслуживают колхоз «По сталинскому пути», насчитывающий всего триста человек. Что же делают работники управленческого аппарата? Бывают ли в поле? На животноводческих фермах?

В колхозе на это отвечают так:

— Особенно они нас не беспокоят, если не считать грозных директив, которые начинаются: «Категорически, под вашу личную ответственность...»

— Директивы шлют почтой?

— Нет. Гусхиз переселили из районного центра в наше село. Вон их дом, на той улице...

— Значит, они часто бывают у вас?

— Нет. Они обращаются к нам в конце каждого месяца, когда требуются сведения для отчетов. В период окота овец мы просили Гусхиз прислать зоотехников. Не послали.

— А агрономы управления? Что они делают в поле?

— В основном — мешают. Главный агроном района дает свою директиву сеяльщикам, участковый агроном МТС ее отменяет, а наш колхозный агроном делает все по-своему. В сущности, мы все делаем самостоятельно. Даже перспективный план колхоза составили без помощи работников управления...

Рассказывают, что начальник Гусхиза Кочнева получила недавно ядовитое письмо: «Не пора ли в доме, который вы занимаете, открыть агрономические курсы колхозников и написать большими буквами: Гусхиз ликвидирован, все ушли на работу в колхоз».

Хороший совет!

В. ТЕРНОВОЙ, Б. ШЕЛЕПОВ

г. МАЛГОБЕК, Северная Осетия

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«БЕЗ СИСТЕМЫ, БЕЗ РУКОВОДСТВА...»

Под таким заголовком 9 июля в «Литературной газете» были опубликованы «Заметки о школьном кино».

Вице-президент Академии педагогических наук РСФСР проф. М. Мельников сообщил, что в статье дается правильная характеристика состояния кинофикации школ и вскрываются основные недостатки в этой области.

Институт методов обучения Академии педагогических наук, говорится далее в письме, считает также правильной критику в адрес его лаборатории школьного кино.

Основными недостатками в деятельности лаборатории школьного кино являются: небольшой круг разрабатываемых ею методических вопросов, невысокий уровень отдельных работ и слабая связь с практикой школ, применяющих кинофильмы.

В настоящее время институт принимает меры, чтобы улучшить и более широко развернуть работу лаборатории.

В ближайшее время будет созвано специальное заседание президиума Академии педагогических наук, которое наметит пути дальнейшего развития школьного кино.

«ЛЯПСУС»

В «Литературной газете» от 10 сентября К. Чуковский указал на ошибку в учебнике по литературе для IX класса средней школы. Как сообщил редакции главный редактор Учпедгиза, заметка К. Чуковского обсуждалась на коллегии Министерства просвещения РСФСР.

Ошибка была допущена автором главы о Некрасове Д. Райхиным, произвольно сократившим текст Некрасова и приписавшим поэту слова одного из отрицательных персонажей.

Редакторы всех предшествующих изданий, как и редактор издания 1953 года тов. Трофимов, отнеслись формально к проверке цитат. На редактора книги тов. Трофимова наложено административное взыскание, автору Д. Райхину указано на допущенную небрежность. Отмеченный К. Чуковским ляпсус будет устранен при ближайшем переиздании учебника.

О повести и фильме „Звезда“

Заметки писателя

Отчетливо вспоминается чувство взволнованной радости, которое охватило меня, когда я впервые прочел повесть Эм. Казакевича «Звезда». Анализируя свои ощущения, я спрашивал себя: «О чем она, эта повесть? О военном подвиге? О созревании характера? О любви? В чем ее пафос, любимая мысль?». «Она — о подвиге», — отвечал я. И верно, я находил в повести все, что подтверждало мой ответ.

Но едва придя к этому выводу, я замечал в «Звезде» нечто иное, новое, повесть уже представлялась мне песней живой и торжествующей любви.

Я заранее прошу прощения у иных критиков за свой ненаучный и теоретически несовершенный анализ. Они, эти холодные ангелы нашей литературы, с убийственной точностью знающие, что с чем надо связывать и что от чего нельзя отрывать, может быть, снисходительно посмеются надо мной, не ведающим, что в произведении искусства одно с другим связано и без действия — нет характера, а без характеров, как субъектов и объектов любви, нет и самой любви.

Сколько у нас появилось книг, о которых с отчетливостью можно сказать: «Эта книга о борьбе стахановцев Н-ской промышленности против консерваторов и преимуществах Н-ского технического метода против Н-ского». Или: «Эта книга о быте и морали, о том, как взбалмошная жена не понимает передового мужа или самоуспокоенный муж отстает от семимильно шагающей жены».

А вот «Звезда» — и о формировании характера, и о благородном, опасном воинском труде разведчиков, и, — как это ни покажется несовместимым, если говорить отвлеченно, — о любви, страстной, неразделенной, робкой и в то же время мужественной.

Повесть Казакевича представилась мне куском подлинной жизни. И многие люди, прочитав эту повесть, испытали хорошее чувство. Она еще более укрепила в них сознание величия нашей советской жизни, благородства и прямоты большинства окружающих нас людей.

«Звезда»—книга сдержанная, в ней нет трескучих фраз, которые, воздействуя на барабанные перепонки, никогда не трогают сердец, нет тривиально-прямолинейных тавтологий, авторы которых забывают, что литература — это могучее средство организации человеческих душ, и что инструмент, которым собираются коснуться сердца, должен быть предельно тонок. И тем не менее при всей своей сдержанности повесть Казакевича глубоко и по-настоящему воинственна. В творчестве писателя, у которого были и огорчавшие нас срывы, эта маленькая повесть до сих пор остается яркой звездой. Поэтому мы с таким интересом относимся к попытке кинематографистов дать «вторую жизнь» «Звезде».

Далеко не во всем автор сценария П. Фурманский, постановщик А. Иванов и весь творческий коллектив создателей фильма с этой задачей справились. Но им удалось передать величие, чистоту и благородство отряда советских людей, передать не только самоотверженную решимость, но и поэзию их подвига.

На этом утверждении я позволю себе задержаться. Всех нас, советских литераторов и зрителей, не удовлетворяет современное состояние кинематографии.

Были годы, когда один за другим выходили фильмы. Мы делали отличные картины, и делали их немало.

Слов нет, и в послевоенные годы выпущены некоторые неплохие фильмы. И все же уровень нашей кинематографии не соответствует требованиям народа.

Что же произошло? Справедливо утверждают, что решающую в отрицательном смысле роль сыграла теория бесконфликтности. Но она уже довольно давно осуждена, и некоторые литераторы стали прямо-таки специалистами по преданию анафеме этой, в самом деле вредной, теории. И если бы от одного только повторения слов «жарко» или «холодно» мы испытывали жар или холод или от одного только бесконечного осуждения теории бесконфликтности рождались остро конфликтные произведения, то мы давно бы имели подлинный расцвет кинематографии.

Но, увы, чудес не бывает...

Существует еще одно объяснение наших кинематографических неудач: отставание кинодраматургии. Писатели вдруг перестали писать хорошие сценарии.

И в этом утверждении есть истина. Но почему же они не пишут? Разучились? И почему продолжают «не писать» после того, как поняли необходимость больше и лучше писать?..

Мне кажется, что при всей правильности констатирующей, так сказать, части в объяснениях наших «кинозатруднений», эти объяснения не вскрывают истинных причин неудач, говорят о следствиях и молчат о причинах.

В чем же они, эти причины?

Прежде всего неверно рассматривать недостатки кинематографии изолированно от других видов искусства. Недостатки кино в известной мере общие с недостатками литературы, живописи.

Дело в том, что наше искусство бесспорно отстает от неизмеримо возросших требований советских людей, и это отставание *особенно нетерпимо сегодня, когда партия* зовет к созданию материального и духовного изобилия.

Мы любим говорить и много говорим о преемственности, об освоении наследства, об учебе у классиков. Но на практике не всегда учимся у больших мастеров литературы или же учимся плохо, неглубоко.

Великие Толстой и Чехов зовут нас продолжать литературу мужественную, срывать маски с явлений отрицательных, о положительных же не тараторить трескучими фразами, но поэтизировать их, добираться до самых глубин человеческой души, не все мысли выписывать на фасаде литературного здания, а часть из них оставлять внутри, — пусть поработает и читатель!

А мы?.. Мы подчас на словах признаем священность этих заветов, а на практике пишем однообразные, одноплановые книги — «плоскодонки», в эмпирически бытовой, «заземленной» манере. Почему это, помимо всех прочих причин, происходит? Потому, что, прокламируя необходимость глубокой, психологической и т. д. литературы, мы часто практически поощряем литературу противоположного толка.

Подчас мы толкаем писателей на протоpенные дорожки, исхоженные тысячами ног, где нет никакого риска заблудиться, дорожки, которые ведут куда угодно, но только не к человеческим душам. Тривиальность, одноплановость, стандартные ситуации и чувства очевидны, конечно, и тогда, когда они присутствуют в романе. Но роман все же иной раз спасает его «познавательное» значение. Роман — форма вместительная, емкая, в нем часто бывает «не все плохо».

А вот в такой лаконической форме, как, например, поэзия, указанные недостатки уже «выпирают», становятся нетерпимыми. И, конечно, они уже «лезут в глаза» в такой форме искусства, как кинематография. Если нет поэзии, нет глубины, нет подтекста человеческих чувств, нет авторского взгляда на события, нет оригинальности, — фильм будет наверняка плохим.

Вот почему недостатки кинематографии кажутся нам столь очевидными и вот почему мне хочется, отмечая принципиальное значение повести «Звезда», говорить и о значении фильма «Звезда» для нашей кинематографии. Фильм в целом слабее повести. Авторам его не всегда удалось передать поэзию «Звезды». Если сравнивать повесть и фильм, то в последнем многое сделано грубее, примитивнее, далеко не всегда в той же глубоко лирической манере, в какой написана «Звезда».

Есть в фильме эпизоды, по своему характеру, натуре противоречащие художественной ткани повести, «противопоказанные» в данном случае. Таковы, например, сцены боевого ученья разведчиков.

Эпизод с разведкой Марченко не разработан, скомкан. Некоторые персонажи лишние. В чем роль и смысл такого, например, персонажа, как командир дивизионной разведки, впоследствии отстраняемый от должности? В повести капитан Барашкин — это характер. Бездельник, пошляк, он как бы «стороной» касается отношений Травкина—Кати, он нужен для образа Кати, он нужен, чтобы яснее стало и значение Травкина. В фильме Барашкин «повисает», он ни с чем не связан; да и вообще образ истолкован упрощенно, схематично. Почему земной, иногда чуть пошловатый, но честный и смелый Мамочкин из повести превратился в фильме в этакого чистого рыцаря «без страха и упрека»?.. (арт. Н. Крючков).

Но мне хочется в первую очередь говорить об умении авторов фильма передать средствами искусства благородное содержание «Звезды», существо подвига разведчиков, его светлое, мужественное, выходящее за пределы данного боевого эпизода, содержание. В фильме мы видим, что героический подвиг совершают люди чистые, смелые, идейные, вдохновенные.

И эта чистота и смелость переданы не с помощью прокламаций, а через логику поступков людей, через выразительные детали и часто «немые», но действенные по своей психологической напряженности ситуации.

Травкин в фильме несколько пострадал. Облик этого юноши-воина, устремленного, романтически-целомудренного, в повести выглядит ярче и определенней, чем в фильме. Почему так произошло? Потому, что в повести характер Травкина вырисовывается на более выразительных, чем в фильме, отношениях лейтенанта к радистке Кате и к Мамочкину (с последним у Травкина происходит даже конфликт своего рода). В фильме же мы видим Травкина (арт. А. Вербицкий) почти только как воина. Но мягкость и в то же время железную волю этого юноши можно было показать лишь в многообразии его поступков, многогранности его духовного облика.

Образ радистки Кати — большая удача актрисы И. Радченко. Правда, в повести Катя чуть иная. Она более земная, «маленькая грешница», какой представляется она самой себе, одухотворенная первой настоящей любовью. В фильме Катя—тип своего рода «тургеневской девушки», если такую можно представить себе в фронтовых условиях.

Любовная коллизия Травкин—Катя сделана в повести очень тонко. В ней почти нет действия, объяснений, она вся — в деталях, оттенках... Поэтому сцена в фильме, когда Катя, уже понимающая, что Травкин погиб, стоит у выхода из блиндажа и перед нею — тихий пруд, в который падает догорающая ракета, — вполне отвечает духу, настроению повести. Такие сцены и есть подлинное искусство.

Зрители с интересом смотрят «Звезду». Только ли потому, что это страницы пережитого и так дорога нам память о бессмертном подвиге советского народа в Великой Отечественной войне? Только ли потому, что советские люди знают и любят повесть Казакевича и, глядя фильм, прощают ему недостатки, как бы мысленно перечитывая «Звезду»?

Нет, не только в этом дело. Зритель рад, что перед ним фильм, в котором сложные задачи показа мужества и благородства советских людей, показа любви разрешены не лобовым, прямолинейным способом, свидетельствующим, в конечном итоге, о неуважении к читателю и зрителю, но средствами искусства.

Несколько слов в заключение.

В повести вопрос о судьбе Травкина и его отряда оставлен, так сказать, открытым. Неясно, погибли ли эти дорогие нам люди. Вернее всего, что погибли... Но ни на минуту не ощущаем мы жертвенности.

Авторы фильма создали прекрасные эпизоды, выражающие силу бессмертия народа: попрежнему говорит «Земля» и новые воины-герои, взявшие себе позывные «Звезды», отвечают ей.

Но... как все же велика сила штампа! Сценарист вдруг не поверил в искусство. Он внезапно вступил на путь лакировки и закончил картину олеографической сценой «воскрешения» Травкина и его товарищей. Как плохо это сделано!

Чувство оптимизма — великое чувство. Оно свойственно нашей жизни, нашему народу. Но есть два способа выразить оптимизм в искусстве. Первый состоит в выражении героического духа нашего времени, в создании атмосферы произведения, в его логике, в деталях. Второй «способ»— схематизм, упрощение. Здесь все «просто». Мертвого — воскресить. Больного — исцелить. Слепого — заставить прозреть.

Во имя правды жизни, во имя нашего искусства мы отвергаем такой «бюрократический» оптимизм.

Путь к человеческой душе — трудный путь. На него надо вступать во всеоружии. И всегда помнить о нашем читателе и зрителе, о человеке, который многое пережил и многое испытал, многое понял,— о человеке умном и гордом.

Александр **ЧАКОВСКИЙ**

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ КРИТИКОВ

ЗА МАСТЕРСТВО ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ!

Закончилось Всесоюзное совещание молодых критиков. Из Иркутска и Краснодара, из Ростова и Измаила, из Симферополя и Воронежа, из всех республик нашей страны съехались представители двадцати семи национальностей. Участники совещания прослушали теоретические доклады — о проблеме типичности, о сатире, о традициях революционно-демократической критики, об анализе языка литературы, о критике прозы, драматургии и поэзии. На занятиях семинаров, которыми руководили критики И. Астахов, Б. Брайнина, Е. Книпович, Е. Мозольков, Е. Сурков, А. Тарасенков, Т. Трифонова, были обсуждены работы участников совещания — статьи и рецензии, опубликованные за последние годы в альманахах, журналах и газетах. На совещании выступили участники и руководители семинаров, писатели и критики — Н. Асеев, Е. Долматовский, В. Ермилов, В. Инбер, М. Исаковский, М. Папава, К. Паустовский, М. Прилежаева, Л. Скорино, поделившиеся своими мыслями о задачах и работе советской критики. Сегодня мы публикуем в сокращенном виде некоторые выступления.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Высокое призвание

Критик — это не только комментатор. Критика должна быть полна блеска, остроты, свежести мысли, великолепно выраженной.

Есть старое прекрасное слово, которое мы начали забывать, — «призвание». Его надо воскресить, потому что критика и писательство — это **высокое призвание**. Это работа, которая является делом жизни. Надо объявить, наконец, войну ремесленничеству и в литературе и в критике.

Я считаю, что дело критика — осмысливать и верно оценивать литературу, подготовлять читателя к наилучшему восприятию этой литературы и помогать писателю. Тут мы подходим к вопросу, как и чем может критик помочь писателю. А в этой помощи мы, писатели, безусловно, нуждаемся.

К каждому писателю надо подходить, как к целостному явлению, и исходить в своих работах о писателе из его творческой индивидуальности.

Это элементарно и совершенно понятно; нельзя требовать от прозаика, чтобы он обязательно был поэтом, или от драматурга, чтобы он писал романы.

На критиках лежит очень большая ответственность за создание общественного мнения, они влияют на общественный вкус. Это обязывает бережно относиться к таланту. У нас много талантливых людей, но все-таки талантливые люди не попадаются на каждом шагу. Талант требует и заботы, и внимания, и помощи. Об этом часто забывают.

Очень важно уметь извлекать все хорошее и ценное, что заложено в писателе. Я, может быть, несколько преувеличиваю, но мне кажется, что нет писателя, в котором не было бы заложено интересных черт, подчас неведомых для него самого. Даже крупнейшие писатели по отношению к самим себе часто ошибались: то, что они считали самым хорошим, шедеврами, на поверку шедеврами не было. А то, что они считали не столь значительным, проходным, оказывалось иногда лучшим из того, что они сделали.

Так вот, умение заметить и извлечь это ценное, дать толчок именно в этом направлении писателю — очень большая обязанность.

Несмотря на высокие достижения нашей литературы, какой-то налет серости, скуки все-таки лежит на многих произведениях. Критикам прежде всего надо обратить на это внимание. Как можно в нашу эпоху прощать скуку и серость? По существу, это преступление перед народом, перед нашим временем! Если писатель сер и скучен, значит, он кругом себя все видит серо и скучно!

Сплошь и рядом попадаются книги, в которых герои абсолютно не интеллектуальные люди, они ни о чем не думают, не спорят, ничего по-настоящему не чувствуют. У них отняты авторами элементарные черты, без которых человек вообще не может существовать. У них отсутствует любовь, а если и существует, то какая-то смехотворная «производственная» любовь. У них нет ни страданий, ни размышлений. Нельзя так изображать людей нашей замечательной эпохи.

Надо обратить внимание на бедность или, вернее, повторяемость тематики, на однообразие сюжетов, которые иногда лишены авторского взгляда, авторской индивидуальности. Наконец, нужно понять разницу между правдой художественной и правдой документальной. Именно на этой почве происходят крупнейшие недоразумения с читателем. Критика должна этот вопрос постоянно и настойчиво разъяснять.

В массе наша литература пользуется языком хорошим, но все-таки не очень богатым. Создается такое впечатление, что литература использует, быть может, одну десятую или одну двадцатую тех языковых богатств, которыми обладает наш народ. Это совершенно недопустимо. И вот, я не вижу работ критиков хотя бы о языке отдельных писателей. Интереснейшие вещи можно написать о языке Алексея Толстого, Катаева, Федина.

Надо помнить и о влиянии на литературу соседствующих областей искусства. Этот вопрос совершенно не раскрыт, а это чрезвычайно важно. Я себе не представляю хорошего писателя, который не знал бы и не любил живописи. У живописи можно очень многому научиться, научиться видеть так, как видит художник. Художник может показать писателю совершенно неожиданные вещи, которые окажутся очень нужными в работе над словом.

Каждая наша работа должна быть событием в нашей жизни. Здесь нет места разговору о тщеславии. Но так нужно подходить к своей работе, чтобы, считая ее событием, всегда быть необыкновенно щедрым. Мы же часто скупимся, и меня особенно удивляет, когда скупятся молодые писатели. Надо писать каждую вещь так, чтобы вкладывать в произведение все, что у вас есть лучшего. Не надо бояться, что слишком быстро окажешься опустошенным. Ничего подобного, через две недели опять захочется писать, и найдутся новые слова и мысли. Критикам в своих статьях надо тоже быть щедрыми — не жалеть труда и мыслей.

Писатели и критики вместе должны бороться за все великолепие слова, за мастерство.

В. ИНБЕР

Помогать поэтам

Нет благополучия в нашей поэзии. Об этом нужно говорить открыто. Охладели к нам читатели. Многие наши книги лежат на полках книжных магазинов. В библиотеках очень редко или, во всяком случае, недостаточно часто спрашивают новые поэтические сборники. В этом — вина и самих поэтов и критиков.

В чем задача критика вообще и по отношению к поэтическому произведению в частности? В том, чтобы указать писателю на его слабые и сильные стороны и правильно ориентировать читателя, как он должен понимать произведение.

Казалось бы, это просто, но на самом деле очень сложно. Немало опасностей подстерегает критика при разборе поэтических произведений. Очень часто важность темы заслоняет все остальное, и мы забываем о тех несовершенных способах, которыми важная тема выражена. Это большой недостаток. И часто критики и редакторы, поддаваясь обаянию темы, забывают о том, что чем важнее тема, тем важнее то, как она выполнена.

Одним из упреков читателя к нам, поэтам, является упрек в похожести. Читатели говорят, что нас трудно отличить одного от другого. И это правда, это происходит от неглубокого отношения к теме. Многие поэты пишут о том, что им прежде всего бросается в глаза. А бросается в глаза прежде всего одно и то же, различие зависит от глубины знания и осмысления.

Неоднократно приходится слышать разговоры о литературном заимствовании. Похожи образы, похожа конструкция вещи. Нередко слышишь: «Он это списал... — тот же экскаватор, та же дамба, та же дорога...». Все то же самое, но это не плагиат, а плод поверхностного отношения к теме. Читатель такие похожие стихи читать не хочет. Критикам нужно зорко следить, чтобы не было штампованных, сработанных по стандарту произведений, которых, к сожалению, у нас еще очень много.

Социальная направленность произведения — это главное. Мы пишем для своего народа, мы воспитываем людей коммунистического общества. И в этом отношении критики-марксисты должны в первую очередь смотреть, кому служит данное произведение. Но надо тщательно избегать вульгаризации. Есть анекдот о том, будто один критик, разбирая колыбельную песню, сказал: «Колыбельная песня в буржуазном обществе усыпляет ребенка, а у нас она должна будить, а не усыплять». Это анекдот, но, к сожалению, иногда о нем еще приходится вспоминать.

У меня есть одно довольно бесхитростное стихотворение «Сеттер Джек» — это история собаки, которая погибла смертью почти человеческой, проявив верность, преданность своему хозяину. Один критик написал: «Зачем нам нужны такие собачьи Василии Шибановы?». Напомню, что Василий Шибанов — слуга князя Курбского, его стремянный, Курбский бежал в Литву, а Шибанова послал к Ивану Грозному с дерзким посланием, и Шибанов умер страшной смертью, восхваляя своего господина. Так вот этот критик писал — «нам не нужны собачьи Василии Шибановы». Это было давно, но вульгарное социологизирование иногда имеет место и в современной критике. Хочется предостеречь от этого.

Большое внимание должен обращать критик на композицию поэтического произведения. Мы утратили этот бесценный дар — правильно строить поэмы. У нас считается неприличным дать поэму меньше 1000 строк. А вспомним такую поэму, как «Медный всадник», — в ней меньше 500 строк. Критики должны нас снова и снова возвращать к уменью строить произведения.

И вот о чем еще должны помнить критики при разборе наших произведений — о языке. Мы пишем часто очень серым языком. Об этом следует помнить и все время чувствовать слово. Язык — это тот материал, из которого мы строим наши вещи.

Мы должны следить за новообразованиями, за новыми словами, которые вводят поэты. Мы приветствуем такие неологизмы, какие создавал Маяковский и многие после него. Но, товарищи, не все словообразования имеют право на существование. Недавно я встретила слово — «индпошив», то есть «индивидуальный пошив». Это уродство. С этим нужно бороться в жизни, а поэты вместо этого часто втягивают подобные слова-уродцы в свои произведения.

Критика должна быть взыскательной и строгой, она должна быть внимательной к мелочам, но она не должна быть мелочной.

Еще несколько слов — о тоне критических статей. У нас очень часто писали о критических дубинках, но, кроме того, есть критические шпильки, крайне ядовитые. Желая указать на недостатки нашего советского поэта, помочь ему, мы иногда пишем так, как будто перед нами враг, находящийся по ту сторону литературной баррикады.

Я слышала несколько отзывов, глубоко огорчивших меня, о замечательной поэме Твардовского «За далью — даль», которая поразила своей необычностью. Собственно говоря, это обычная поэзия в хорошем смысле слова, но мы приучили нашего читателя к холодным, зарифмованным высказываниям, и он вдруг испугался той глубины горечи, которая есть в поэме, тех раздумий, той искренности. И некоторые критики поддерживают в читателях этот нелепый страх перед душевной, человеческой искренностью.

Твардовский говорит о любви читателя, которую мы, поэты, частично растеряли. Он пишет:

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И нощно — душу сжечь готов.

Вспоминаются слова Пушкина: «Глаголом жги сердца людей». Вот задача нашей поэзии! А задача критиков — помогать поэтам на этом трудном, но благородном поприще.

М. ПАПАВА

Тема и ее воплощение

Самый насущный вопрос для оценки произведений кинематографии — это тесная связь анализа идейного содержания фильма и той художественной формы, в которую заключен этот фильм. У нас установилась стандартная форма оценок кинопроизведения. Бо́льшую часть рецензии занимает пересказ содержания, и несколько строк отводится краткой оценке: плохо или хорошо эту тему донесли актеры; музыка — соответствует; такие-то пейзажи... и все! Эта скороговорка, отсутствие анализа по существу мешают росту кинематографии.

Возьмем кинофильм «Тарас Шевченко». В нем отчетливо видна разница между эмоциональным воздействием фильма и идейным замыслом. Эпизод, когда Шевченко в далеком захолустье Российской империи среди издевающихся над ним офицеров вдруг взывает к остаткам их чести и совести, производит огромное впечатление. В этом эпизоде художественно, в самом действии раскрывается столкновение Шевченко с окружающим его миром.

Но вот эпизод его встречи с Чернышевским и Добролюбовым. Бесспорно, что творческий и идейный рост великого украинского поэта Шевченко был неотделим от русской революционной демократии и ее лучших представителей, но... в фильме это осталось тезисом, не получило образного выражения. На экране появляется Шевченко, хорошо загримированные и подвитые Чернышевский и Добролюбов его встречают, и у зрителя нет никакого другого ощущения, кроме закономерности этой встречи, кроме того, что этот эпизод — иллюстрация к очень правильному тезису. Так бывает очень часто, это очень существенно для нашей практики, и об этом должна говорить критика.

Именно поэтому я обращаюсь к критикам с просьбой от имени работников кинематографии: никогда не упускать эту существеннейшую задачу — не забывать о мастерстве, потому что, как бы ни был превосходен тезис, как бы верно теоретически и политически ни мыслил молодой или почтенный драматург или режиссер, если тема не воплощена в единую идейно-художественную систему, — произведение обречено на неуспех.

В одном из небольших кинотеатров Марьиной рощи я разговорился со зрителем, очень интересным человеком, слесарем высокого разряда одного из заводов, большим любителем кинематографа. Он мне сказал: «Фильмы у нас большие и интересные, и все верно намечено, а вот поплакать и посмеяться не приходится». Вот это отсутствие отчетливого и сильного эмоционального воздействия в значительной мере объясняется тем, что тезис превалирует над художественным решением.

Иногда наши критические статьи похожи на своеобразное плавание кролем. Автор как бы не рискует высказать свое личное отношение к проблеме, поэтому он и плывет кролем: голова почти все время погружена в воду, автор все время где-то под темой, и лишь время от времени выплывает рука с цитатой — то правая, то левая.

Это, конечно, отнюдь не означает, что не надо приводить цитаты из классиков марксизма-ленинизма и из нашей классической критики, но не надо допускать, чтобы цитаты использовались как форма ухода от личной ответственности критика за свою точку зрения.

Критику надо уметь видеть и замысел кинодраматурга и работу режиссера и оператора.

О работе оператора у нас обычно пишут только: «выделяется пейзаж» или что-нибудь в этом роде, а о том, что работа оператора связана с трактовкой образа, часто забывают. Наряду с трактовкой образа сценаристом, режиссером есть трактовка образа оператором. В одном из наших фильмов герой был дан так, что почти над самой головой его оказывался край кадра. И вот при просмотре выяснилось, что, помимо желания оператора, создалось ощущение страшной скученности, приземленности, которой не было в сценарии и в замысле режиссера. Критику важно видеть и такие детали.

Возьмите такой вопрос, как вопрос о цвете в кинематографе. Напомню фильм «Ревизор». Оказалось, что трактовка цвета неожиданно уводила от гоголевского представления о дореволюционной России: оператору хотелось работать соотношением тонов, и получились вместо гоголевской захолустной России — яркие переливы бархата и атласа, такой силы и мощности игра цвета, которая шла вразрез с гоголевским образом России.

Отдельные компоненты стилистики не изолированы от содержания: в них выражается, а иногда искажается идея фильма. Именно поэтому я призываю критиков очень внимательно анализировать произведение в целом, не ограничиваясь тематическим пересказом.

Надо помнить, что Большому театру пришлось бы десять лет подряд ставить спектакли с полным аншлагом, чтобы показать свой спектакль аудитории, просматривающей фильм. Этим я хочу сказать, что кинематограф, как искусство массовое, всенародное, бесспорно имеет право на большее и повседневное внимание нашей критики.

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Увлекательная задача

Наша советская детская литература ничуть не уступает взрослой литературе — ни по многообразию тематики, ни по серьезности проблем, ни по литературному мастерству. Многие писатели с равным успехом работают над книгами для взрослых и для детей.

Всем нам известны такие мастера детской литературы, как Гайдар, Маршак, Чуковский, Михалков, Бианки, Житков и многие другие. Наша детская литература богата, и уровень ее достаточно высок. Это не значит, конечно, что детским писателям не нужно стремиться все выше и выше, как и всей нашей литературе!

Но почему же у нас нет людей, которые специально, серьезно, увлеченно занимаются теорией и критикой детской литературы? Почему у нас мало статей, почему у нас даже мало рецензий? В чем дело? Мне кажется, что одна из причин кроется в том, что критиков, особенно молодых, пугает один термин, который всегда связывают с детской литературой. Этот термин — **специфика** детской литературы.

Этот термин применяют, главным образом, люди из так называемой «педагогической общественности». Но это не те педагоги, которые ходят в школу и учат уму-разуму наших детей, — это преимущественно люди, которые оторвались от школы или никогда не бывали в ней, а сидят в редакциях педагогических журналов, в отделах народного образования и потому, что они там сидят, считают, что могут учить всех и везде, и в частности — детских писателей тому, что такое детская литература и ее «специфика».

На совещании по детской литературе в Армении вышел на трибуну один такой профессор и начал поучать и писателей и всех присутствующих. Из его рассуждений получалось, что специфика заключается, главным образом, в том, чтобы показать жизнь не такой, как она есть, а какой она должна быть. Мы выслушали этого товарища и задали ему один-единственный вопрос: «Читали ли вы те книги, которые мы на нашем совещании собираемся обсуждать, и что вы можете о них сказать?». К стыду своему профессор должен был признаться, что ни одной из этих книг он не прочитал. С видом знатока рассуждал он о том, какой должна быть специфика детской литературы, не имея никакого представления, какая детская литература существует.

Надо, наконец, решить, что же такое эта пресловутая специфика? Ее обычно связывают с воспитательной ролью детских книг. Но вся наша русская литература — и детская и не детская — выполняла огромные воспитательные задачи! И чем выше был художественный уровень книги, тем большей оказывалась ее воспитательная сила. А наши «теоретики», говоря о специфике детской литературы, совершенно снимают со счетов ее художественное существо.

Мне думается, что специфика детской литературы заключается, главным образом, в том, что для детей нельзя писать неувлекательно, бессюжетно, расплывчато, а надо писать интересно, или очень драматично или очень весело.

Если бы в таком плане шла речь о специфике детской литературы, я уверена, что критики увлеклись бы детской литературой и стали бы писать о ней.

В русской литературе есть прекрасные традиции внимания к детским книгам со стороны крупнейших писателей и критиков.

Пушкин, перед тем как ехать на дуэль, сидел за столом и писал письмо детской писательнице Ишимовой. Она не вошла в историю литературы, это была очень средняя писательница, а великий Пушкин писал ей письмо о ее произведении... А сколько силы, энергии, души потратил великий Лев Толстой на воспитание детей, на создание книг для детского чтения!

Белинский, гениальный критик, — какие блистательные мысли о литературе для детей высказывал он в своих статьях! А Добролюбов за свою недолгую деятельность написал множество рецензий о детских книгах. И каждая его маленькая рецензия — это всегда разговор не только о литературе, а о великих идеях воспитания человека в высоком, самом благородном, большом смысле.

Очень хотелось бы нам, детским писателям, чтобы критики не скупились и часть своего жизненного опыта, своего таланта отдали большому делу совершенствования живой и увлекательной, подлинно художественной литературы для нашего требовательного, замечательного молодого поколения.

А. ТАРАСЕНКОВ

Трудная профессия

Профессия критика — очень трудная, конфликтная. Есть много других более легких профессий, о которых можно сказать словами Маяковского — «доходней оно и прелестней». Подчас живого места на критике нет, он весь избит в драке, иногда справедливо, иногда несправедливо. И все-таки профессия наша хороша, стоит ее любить. Но любить при одном условии: если заниматься этой профессией так, чтобы она становилась действительно творческой.

Кажется, не требует доказательств, что ни цитатничество, ни начетничество, ни всякое другое «приват-доцентство», лишенное души и темперамента, не могут быть названы подлинно литературной или критической работой.

Настоящий критик должен стремиться первым выступить с оценкой нового романа или поэмы. Однако система перестраховки, «бесконфликтности» в области критики прививает такое представление: лучше я подожду, пока не будет произнесена авторитетная оценка литературного произведения, а уж потом выступлю с популяризацией этого мнения.

Нет ничего более противоестественного и противоречащего подлинной задаче критики, чем это воззрение.

Существует и такой взгляд: критики — это отряд, который придан писателям для того, чтобы разъяснять их недостатки, помогать им совершенствоваться, двигаться вперед. И только.

Из такого приживальческого отношения к задачам критика и рождаются равнодушие, угодничество, лесть.

У каждого критика должен быть свой путь, свой темперамент, умение защищать то или иное произведение мужественно и до конца, если он полагает, что оно того заслуживает. У подлинного критика должно быть стремление защищать во что бы то ни стало то или иное произведение, если он полагает, что нападки несправедливы.

Хочется поднять голос за принципиальность в критике, за большую остроту.

У нас потерялся вкус к спорам, дискуссиям, многие забывают, что истина рождается в споре, в столкновении мнений.

Отстаивание своего мнения, стремление к тому, чтобы в дискуссии утвердить свою точку зрения, — обязательно для критиков. Это обычно и дает внутреннее удовлетворение в критической работе. Без этого никакое творчество невозможно.

Критик должен быть творческой личностью — вот что должно быть вынесено из работы нашего семинара. Критик должен быть личностью, проявляющей свой темперамент, свои вкусы, свои требования, — такие, которые неразрывно связаны с общим направлением развития, указанным нашей партией, с общим направлением тех вкусов, тех естественных требований, которые выдвигает сегодня наш народ. А как же иначе! Разве во всем этом нет величайшего простора для проявления страстей, индивидуальных вкусов, привычек, привязанностей, темпераментов?

Нужно, чтобы такие встречи, как семинар молодых критиков, происходили почаще, чтобы они проходили по-боевому.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

Самое важное

Самое важное в работе критика — это ощущение того, что он сам писатель. Утверждение, что между поэтами и критиками существует антагонизм или противоречие, — это чепуха. Мне кажется, что критики должны разделять в полной мере ответственность за судьбы нашей поэзии.

Что же написано нашими критиками о поэзии за последние годы? Бросается в глаза разрыв между литературоведческой работой и критикой современной литературы. Так, например, статьи о Маяковском почти всегда пишутся в отрыве от нашей современной поэзии. Почему-то критики, вне зависимости от их молодости или стажа и опыта, подходя к творчеству Маяковского, как исследователи, не считают нужным распространить это исследование на дальнейшее развитие советской поэзии. Это один из существенных недостатков, который причиняет ущерб нашей поэзии.

Очень хорошо, если мнение критика, родившееся в результате долгого, серьезного изучения того или иного произведения, совпадает с мнением редактора журнала, но если оно и не совпадает, критик должен быть принципиальным и отстаивать свою точку зрения. И не будет ничего плохого, если редакция предоставит критику возможность высказать свое, хотя бы и спорное, мнение.

Если бы мы создали атмосферу вокруг критической работы, как работы творческой, требующей смелости и принципиальности, мы добились бы лучших результатов.

Самое главное в работе критика — это проникновение в замысел литератора, поэта или прозаика.

В этой связи я хочу сказать о своей поэме «В суровый час», которую сильно критиковали и на обсуждениях и на страницах печати. Мне очень трудно она далась в своем первом варианте, и когда я слышу сейчас критику этого первого варианта, мне уже легче, потому что я нахожусь в положении пехотинца, когда снаряды рвутся уже сзади него. Мне удалось — для себя, во всяком случае, — заново переписать эту поэму. Но надо сказать, что мне помогли критические замечания, в особенности отклик из Туркмении одного лейтенанта-пограничника. На пятнадцати страницах этот товарищ, который сам пережил ашхабадское землетрясение, критиковал мою поэму и, суммируя свои замечания и замечания критики, предложил мне план переработки поэмы.

Надо добавить, что поэту помогает не только критика его собственных произведений. В процессе работы поэту помогает умная критика, тонко разбирающая произведения других авторов. Мысли такой критической статьи оказываются плодотворными, подсказывают решение многих вопросов. Мы, поэты, ищем в критике творца, ищем в критике писателя со своим стилем, со своим отношением к жизни и литературе. Вот этого мы ждем от каждого из критиков.

О чем говорили участники совещания

На заключительном заседании, а также на встрече с руководителями журналов и «Литературной газеты» наряду с писателями и критиками старшего поколения выступали молодые критики. Общее их мнение сводилось к тому, что совещание принесло пользу, обогатило участников опытом, помогло оживлению литературно-критической работы. Однако были и существенные недостатки в проведении совещания. Не все доклады были хорошо продуманы и связаны с конкретными задачами литературы и критики. Не было достаточной четкости и в работе семинаров. Так, например, участников совещания не обеспечили достаточным количеством экземпляров обсуждаемых статей. Это приводило порой к поверхностным отзывам.

На заключительном заседании выступавшие уделяли главное внимание недостаткам в постановке и организации критико-библиографического дела.

Г. Ахунов (Казань) отметил существующий разрыв между языковедческим и литературно-художественным анализом стиля писателя. Разбор отдельных слов, неологизмов, диалектизмов и т. д. должен раскрывать не только логическое значение, но и эмоциональную окраску слова. Выступающий говорил о том, что критики романа Г. Баширова «Честь» обошли конкретный разбор поэтического языка, не раскрыли своеобразия писательского слова.

Многие товарищи жаловались на то, что в редакциях журналов все еще имеет место формальное отношение к молодым авторам. Ю. Белаш (Москва) рассказал об одном совещании молодых критиков, организованном редакцией «Знамени» в 1952 году. Никаких практических результатов это совещание не принесло. Дело ограничилось разговорами и пожеланиями. П. Бученков (Тула) приводил примеры равнодушных, «отписочных», внутренних рецензий московских критиков на произведения местных писателей.

Подробно говорилось на совещании о необходимости борьбы с догматизмом в критике. «Многие студенты Хабаровского педагогического института пишут стихи, — сказал А. Степанов. — Но они не хотят выносить их на обсуждение. По их мнению, критическое обсуждение им ничего не даст. Это — прямой результат того, что мы во многом «задогматизировали» критику, сделали ее сухой, неинтересной, обставили обязательными правилами и шаблонами. А иные критики доходят до того, что рассматривают, например, любовную лирику, как своего рода «кампанию», от которой скоро надо будет перейти к другой очередной кампании. Сухая, шаблонная критика во многом мешает оживлению литературы.

Н. Яновский (Новосибирск) говорил о дискуссиях в литературе. Неверно, что каждый критик оценивает произведение так, как будто до него ничего об этом произведении не говорилось. Порой он высказывает мнение, прямо противоположное тем, что были до него. Но в открытый спор ни с кем не вступает. Так было, например, с поэмой М. Юдалевича «Алтайский горный инженер». Рецензенты высказывали самые различные, даже противоположные мнения, но в прямой спор друг с другом не вступали. Надо покончить с подобной уклончивостью и обтекаемостью.

Ряд критических высказываний был направлен по адресу «Литературной газеты». Редакция ориентируется на недостаточно широкий круг авторов, главным образом Москвы и нескольких крупных городов.

С. Анарбаев (Ташкент) рекомендовал редакции внимательнее следить за местными журналами, альманахами, литературными газетами, чаще откликаться на их выступления. М. Новикова (Симферополь) считает неправильным, что в большинстве статей и предисловий, посвященных зарубежным писателям, дается лишь идейная характеристика их творчества; почти ничего не говорится о своеобразии, мастерстве, особенностях стиля зарубежных писателей. К сожалению, статьи, печатающиеся в «Литературной газете», не составляют в этом отношении исключения.

С. Чиботару (Кишинев) отметил, что в рецензиях на произведения писателей братских республик, переведенных на русский язык, как правило, ничего не говорится о том, как сделан перевод. Авторы многих критических статей, опубликованных в альманахе «Дружба народов», идут по пути простого изложения содержания произведений, ничего не говоря о характере перевода. И это понятно, потому что они не знают языка, на котором написано произведение. Необходимо привлечь литературоведов и критиков из союзных республик к рецензированию и произведений и их переводов на русский язык.

Все выступавшие высказывали пожелания, чтобы совещание молодых критиков не было просто очередным мероприятием, но послужило бы толчком для объединения московских и местных критиков в борьбе за новый подъем советской литературы.

На серных рудниках Сицилии работают подростки и даже 8—10-летние дети. Крайняя нищета заставляет итальянских шахтеров посылать на тяжелый подземный труд своих детей уже в самом раннем возрасте. Мальчики, работающие в шахтах, выносят из забоя мешки с серой. На фото—один из юных итальянских тружеников.

Снимок из итальянского журнала «Вие нуове»

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ФИДЛИНГА

В Италии, в стране, где правят люди, проповедующие, как они утверждают, «христианскую мораль», происходят весьма странные вещи. Причем так называемые благонамеренные граждане, то есть те, у кого водятся деньжата и кто не упускает случая пошуметь о своем «патриотизме», не делают даже попытки протестовать.

Не будем голословны. Вот один разительный пример.

Некий мистер Фидлинг опубликовал для нужд богатых американцев, которые намереваются осчастливить своим визитом маршаллизованные страны Старого света, «Новейший путеводитель по Европе». В первой части этой книжонки содержится весьма характерное предупреждение по поводу того, что ввоз в Европу «оружия, наркотиков, порнографических открыток и девиц без паспортов рассматривается как контрабанда». А далее следует практический совет: «Автор рекомендует читателю обзавестись плащом с шестью потайными карманами и чемоданом модели «Б4», имеющим секретные отделения. Фирма, изготовляющая эти чемоданы, имеет среди своих клиентов самого Эйзенхауэра...»

Американцу, приезжающему в Италию или во Францию, вовсе не требуется знать языки, говорится далее в книге. Их может заменить... пачка долларов! «Когда вы обращаетесь к туземцу на английском языке, а он отвечает вам на зулусском наречии (зулусами автор именует... французов, итальянцев и других европейцев! — **Дж. Дж.**), то не надрывайте напрасно глотку — покажите своему собеседнику доллары и объясните жестами, что вам нужно».

Что же может сообщить мистер Фидлинг своим «клиентам» о моей родине?

В его «путеводителе» вы не найдете адреса музеев, художественных галерей. Зато там даны самые точные указания относительно домов терпимости.

Имеются также исчерпывающие данные относительно того, что и где можно купить на черном рынке. В Италии, пишет он, можно купить румяна и картины Рафаэля, но там нет мыла, сахара, сигарет, бритвенных лезвий и туалетной бумаги. Привозите с собой эти товары, и вы будете иметь все необходимое...

Вот так, милостью господ, готовых на все в своем пресмыкательстве перед американскими «боссами», мы, итальянцы, стали европейскими зулусами...

БАЛ НАСЕКОМЫХ

Не так давно в одном из наиболее известных увеселительных заведений Рима — «Опен гарден» (среди нынешней итальянской знати принято пользоваться заокеанскими наименованиями) состоялся... «бал насекомых». В этом маскараде приняли участие вся клерикальная знать Италии и гости из многих других стран. Здесь собрались бароны, князья, герцоги, графы, маркизы папского двора, Южной Италии, Савойи, сюда прибыли знатные гости даже из-за океана. В общем в «Опен гарден» собралась изрядная компания кокаинистов, субъектов, страдающих извращениями, их жен и любовниц (недаром наш народ прозвал подобные заведения «хлевами высшего разряда»).

Мужчины — участники бала — обязаны были явиться во фраках и в белых манишках, а женщины — в декольте до самого пояса... Но самое главное — все должны были носить маски с изображением голов насекомых. В залах «Опен гарден», описанных буржуазными журналистами, можно было увидеть князей с тараканьими головами, герцогиню — блоху, множество комаров, мух, клопов, пауков и т. д.

Если бы не вошедшая в пословицу глупость представителей итальянской знати, то можно было бы подумать, что это заранее задуманная сатира. Но как мы уже сказали, итальянская знать не отличается умом. Затея с «балом насекомых» превратилась — против воли ее авторов — в карикатуру. Ведь итальянская аристократия и в действительности представляет собой паразитов, сосущих кровь трудового народа Италии.

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ЮНАЙТЕД СТЕЙТС НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ»

ИДЕОЛОГИ „ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ“

В нынешней международной обстановке, когда широкие круги мировой общественности выступают за мирное урегулирование спорных проблем, ни один серьезный орган буржуазной печати, ни один буржуазный политический деятель на Западе не рискует — каковы бы ни были его подлинные взгляды — открыто выступать против необходимости переговоров по ряду нерешенных международных вопросов. Это, однако, отнюдь не означает, что реакционные круги прежде всего в Соединенных Штатах Америки, которые до сих пор делали главную ставку на пресловутую «политику силы», изменили свою позицию. Они лишь пытаются использовать столь популярный сейчас в народных массах всех стран лозунг мирного урегулирования нерешенных проблем в своих собственных интересах, не имеющих ничего общего с делом налаживания подлинного международного сотрудничества.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать страницы любого из американских изданий, отражающих взгляды и стремления правящих кругов США. Возьмем хотя бы такой печатный орган американских монополий—журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».* Этот журнал до сих пор был известен как один из самых откровенных пропагандистов «политики силы» — политики грубого вмешательства в дела других государств, так называемой «политики устрашения» стран и народов, не желающих склоняться перед американским диктатом.

Но вот с некоторых пор на страницах «Юнайтед Стейтс ньюс» начало мелькать слово «переговоры». Это, как мы уже говорили, не должно вызывать удивления: «Юнайтед Стейтс ньюс» лицемерно пишет о готовности США к переговорам по некоторым проблемам. Однако при этом он излагает такие, выдвигаемые правящими кругами США, «предварительные условия», которые явно рассчитаны на то, чтобы заранее сделать соглашение невозможным.

Возьмем, например, такой важный международный вопрос, как германский.

Нет необходимости говорить, какое огромное значение для укрепления мира во всем мире имеет мирное урегулирование германской проблемы. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс» и его хозяева считают необходимым сформулировать в отношении Германии некие «предварительные условия», которые, по их мнению, должен выполнить СССР. Соединенные Штаты, сообщает «Юнайтед Стейтс ньюс» в номере от 24 июля этого года, готовы якобы пойти на конференцию по германскому вопросу только в том случае,

«если — и только если — Советская Россия будет делать дела, **согласившись предварительно** (подчеркнуто нами. — **Лит.**) на предложение США провести свободные выборы в Германии»...

Напомним, что американская дипломатия, когда заходит речь об условиях проведения этих «свободных» общегерманских выборов, настойчиво требует поставить их под... международный контроль, имея в виду передать фактически это дело в руки оккупирующих держав, что создает возможность недопустимого давления иностранных властей на весь ход подготовки и проведения выборов. Между тем понятно, что общегерманские выборы (как указано в ноте Советского правительства правительствам западных держав от 28 сентября 1953 года) являются внутренним делом Германии, которое должно решаться самим германским народом при недопущении иностранного вмешательства. Разумеется, что для этого необходимо образование Временного Общегерманского демократического правительства, которое и подготовило бы проведение общегерманских свободных выборов.

Что же в таком случае имеют в виду под «свободными» выборами американские политики? Это достаточно хорошо известно — перед глазами всего мира пример выборов 6 сентября в боннский бундестаг, проходивших в обстановке неслыханного террора и нажима на избирателей, в условиях грубого вмешательства правящих кругов США во внутренние дела немцев!

Весьма показательно, что, ратуя за так называемые «свободные» выборы, «Юнайтед Стейтс ньюс» — в полном соответствии со всей американской политикой в этом вопросе — **ни словом** не упоминает о необходимости заключения мирного договора с Германией, который позволил бы, наконец, немецкому народу объединиться в демократическом и миролюбивом государстве.

Более того, болтая о «переговорах», «Юнайтед Стейтс ньюс» продолжает требовать скорейшего создания так называемой «европейской армии», под флагом которой Западная Германия должна быть ремилитаризирована и включена в агрессивный Атлантический пакт.

«Юнайтед Стейтс ньюс» со свойственной ему циничной откровенностью признает, что правящие круги США не заинтересованы в мирном урегулировании германского вопроса, ибо им пришлось бы в таком случае поступиться своими планами гонки вооружений и подготовки новой войны.

«Германия — центральный вопрос разногласий между Востоком и Западом, — пишет журнал. — Россия вряд ли согласится на создание объединенной Германии, если Западная Европа не перестанет перевооружаться. Но сделать так — значит потрясти основу всей политики Запада. Поэтому не ждите урегулирования германского вопроса».

Таким образом, ясно, что «свобода», о которой столь усиленно шумят американские реакционеры, когда речь заходит о судьбе Германии, означает на деле не свободу для германского народа самостоятельно решать свои дела, а «свободу» для боннской клики реваншистов и их заокеанских покровителей тащить и впредь страну по пути возрождения милитаризма, «свободу» превратить Западную Германию в послушное орудие агрессивного Атлантического блока, превратить ее в очаг новой войны и тем самым сделать невозможным воссоединение Западной и Восточной Германии в единое государство.

Вполне понятно, какие опасные последствия для германского народа и для поддержания мира в Европе может принести подобная политика.

Возьмем другой, не менее важный международный вопрос — корейский.

Вынужденные в результате провала своей военной авантюры в Корее согласиться на мирные переговоры, американские империалисты пытаются теперь и в этом вопросе, без каких-либо к тому реальных оснований, диктовать другим странам свои «предварительные условия». В связи с предстоящей политической конференцией по Корее правящие круги США, как известно, считают возможным навязывать другим странам форму, состав участников и даже сроки проведения конференции.

«Юнайтед Стейтс ньюс», полностью следуя в данном случае известной тактике госдепартамента США, пытается оправдывать подобную позицию американской стороны мнимой «непреклонностью» южнокорейской марионетки США—Ли Сын Мана.

«**Существует срок в 90 дней,** — подчеркивает «Юнайтед Стейтс ньюс» в номере от 14 августа. — Президент Ли Сын Ман может покинуть мирную конференцию через 90 дней. Он может и не покинуть ее. Во всяком случае он готов не покидать ее раньше чем через 90 дней.

М-р Даллес убедился ** в том, что таково твердое решение Ли Сын Мана. Он не верит в мирные намерения коммунистического Китая. Он уверен, что Корея может быть воссоединена только силой. Он опасается, что «умиротворители» из ООН провалятся после того, как коммунисты заведут конференцию в тупик».

Итак, Ли Сын Ман «твердо решил» сорвать мирную конференцию, если другие страны не согласятся принять его «план» — распространить власть южнокорейского режима на всю Корею. Ли Сын Ман провокационно грозит начать новый «поход на Север». При этом «Юнайтед Стейтс ньюс» усиленно рекламирует поддержку США агрессивной клики Ли Сын Мана.

«Южная Корея в мирное время, — сообщал, например, журнал 31 июля, вскоре после подписания перемирия в Корее, — создаст более мощную военную силу, чем во время военных действий. Вооружение и обучение южнокорейских солдат будет продолжаться, причем число дивизий, несомненно, возрастет от нынешних 15 до максимума — 20».

Кому же не ясно, что все эти смехотворные россказни о «твердой позиции» южнокорейского «президента», сидящего в жилетном кармане г-на Даллеса, призваны лишь обмануть общественное мнение за пределами США? Это делается для того, чтобы отвести огонь критики от **американской позиции**, отнюдь не свидетельствующей о стремлении правящих кругов США к справедливому урегулированию корейской проблемы, которое устраивало бы как все заинтересованные страны, так и сам корейский народ.

Одним из главных вопросов, который должна разрешить политическая конференция по Корее, является,—как это обусловлено соглашением о перемирии, подписанным представителями США, — вопрос о выводе из Кореи всех без исключения иностранных войск. Ясно, что только выполнение этого условия даст возможность корейскому народу самому, без какого-либо иностранного вмешательства, решить судьбу своей страны.

А вот что писал о войсках США в Корее 31 июля «Юнайтед Стейтс ньюс»:

«Солдаты будут, конечно, продолжать служить в Корее; из них примерно 300 000 человек в течение **неопределенного времени** (подчеркнуто нами. — **Лит.**). Нынешнее количество войск будет постепенно сведено до этой цифры. Вместо активных военных действий будет, однако, неспокойный мир без кровопролития, но с интенсивной военной подготовкой, чтобы сохранить войска в готовности...»

Как известно, это стремление правящих кругов США сохранить Южную Корею в качестве своего военного плацдарма было вскоре официально подтверждено в военном договоре Даллеса с Ли Сын Маном, которым предусмотрено оставление американских войск в Южной Корее «в течение неопределенного времени...»

Мировая общественность требует в интересах ослабления международной напряженности во всем мире, а также безотлагательного мирного урегулирования ряда назревших вопросов, затрагивающих страны Юго-Восточной Азии и Тихого океана, — восстановить законные права Китайской Народной Республики в ООН. Этому справедливому делу препятствует только сопротивление американских правящих кругов, принуждающих группу зависимых от США государств выступать против удовлетворения неотъемлемых прав Китая.

«Юнайтед Стейтс ньюс» в номере от 7 августа так характеризует эту позицию: «В США решительно возражают против предоставления места коммунистическому Китаю в ООН».

Журнал подтверждает, что агрессивные круги США, несмотря на всем очевидный провал их завоевательных планов в Корее, не отказались от своего авантюристического стремления раздуть пожар войны на Дальнем Востоке. Например, в статье «Более твердый курс стратегии Соединенных Штатов», появившейся в этом журнале 24 июля (т. е. **за три дня** до заключения перемирия в Корее), говорилось:

«**Азия.** Независимо от перемирия в Корее новая военная группа (т. е. вновь назначенные члены объединенной группы начальников штабов армии, авиации и флота США. — **Лит.**) будет уделять больше внимания Азии; все члены новой группы имеют твердую точку зрения относительно этой части света. Например, адмирал Рэдфорд (начальник объединенной группы. — **Лит.**), как известно, считает, что в целях безопасности США коммунистов надо изгнать (ни более, ни менее?!— **Лит.**) из Китая... Формозу определенно будут удерживать».

Между тем ясно, что только те, кто преднамеренно стремится искусственно осложнить обстановку на Востоке, могут позволить себе третировать великий китайский народ и делать ставку на антинародную клику чанкайшистов. Так могут действовать только близорукие политики, все еще не понявшие того факта, что старая Азия, уделом которой были беспросветный гнет и порабощение народов чужеземными силами, бесповоротно уходит в прошлое.

* *

Та откровенная характеристика современной внешней политики США, которую мы почерпнули со страниц журнала «Юнайтед Стейтс ньюс», позволяет сделать совершенно определенный вывод: так называемые «предварительные условия» целиком вытекают из агрессивных планов США в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому они никоим образом не могут служить делу мирного урегулирования, а полностью направлены на то, чтобы помешать налаживанию международного сотрудничества и расчистить путь для все той же обанкротившейся «политики силы».

Правящие круги США не могут не видеть, что существующая международная обстановка не благоприятствует их планам. Оценивая эту обстановку, «Юнайтед Стейтс ньюс» писал 28 августа:

«Давление в пользу переговоров с Россией будет, между тем, возрастать.

Англия настаивает на том, чтобы попробовать этот путь. Франция и Италия придерживаются той же точки зрения. Объединенные Нации в настоящее время стараются воздействовать на США: они пытаются заставить США вести переговоры с Россией по крупным вопросам, затрагивающим весь мир».

Какой же вывод делает орган американских монополий из этой констатации? Может быть, он считает, что США должны, наконец, переменить позицию и пойти на мирное урегулирование, пользуясь словами журнала, «крупных вопросов, затрагивающих весь мир»?

Нет!

Почему?

Во-первых, потому, признает «Юнайтед Стейтс ньюс», что прекращение американской «холодной войны» и мирное урегулирование нерешенных международных проблем будет означать крах нынешней политики США, направленной на сколачивание агрессивных военных блоков для новой войны, вроде Северо-Атлантического союза или «европейской армии».

«При первых же слабых признаках возможного окончания «холодной войны», — предупреждает журнал, — союз западных держав обнаруживает трещины».

И далее:

«Любая конференция четырех держав, даже короткая и отступающая от принятой процедуры, как предлагает Черчилль ***, заставит Запад вступить в длительные переговоры по Германии. Хотя германский парламент (т. е. боннский бундестаг. — **Лит.**) ратифицировал план европейской армии, трудно надеяться, что любое другое европейское правительство пойдет на этот шаг в то время, пока будут происходить подобные переговоры».

Во-вторых, потому, откровенно заявляет далее «Юнайтед Стейтс ньюс», что

«США, которые ничего не выиграют от переговоров, должны будут, если они начнут их, пойти на уступки России».

Все дело в том, что правящие круги США вовсе не стремятся на деле к дружественному урегулированию спорных международных проблем. А ведь именно это неоднократно предлагал и предлагает Советский Союз, опирающийся на исторический опыт сотрудничества великих держав, возглавлявших антигитлеровскую коалицию миролюбивых народов в войне против фашистских агрессоров.

«Юнайтед Стейтс ньюс», противопоставляя «план Даллеса» упомянутому выше «плану Черчилля», пишет:

«Переговоры в стиле Ялты не будут проведены».

И тут же развязно заявляет, что руководителям советской политики, «если они захотят, представляется случай пойти на условия западных держав...»

Ясно, что подобные требования, означающие, по существу, требования капитуляции СССР на условиях, продиктованных агрессивными кругами США, могут выдвигать в современной международной обстановке только люди, окончательно потерявшие чувство реального и не желающие считаться с подлинным соотношением сил на международной арене. Ясно, что подобные требования могут выдвигать лишь те, кто преднамеренно стремится искусственно осложнить обстановку, воспрепятствовать ослаблению международной напряженности. Но хорошо известно, что подобная политика диктата и угроз никогда не достигала и не может достигнуть цели, во всяком случае, когда дело касается СССР.

Таким образом, на поверку выходит, что разговоры о «предварительных условиях» переговоров нужны идеологам внешней политики США лишь для того, чтобы ввести в заблуждение мировую общественность и попытаться закамуфлировать в «мирные цвета» агрессивную американскую политику, направленную против ослабления международной напряженности.

Как ясно показывают приведенные нами высказывания влиятельного американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс», не может быть никаких сомнений в том, что основа внешней политики правящих кругов США осталась неизменной, — это по-прежнему «политика силы». Что же касается их мнимого стремления к переговорам, оговариваемым некоторыми «предварительными условиями», то совершенно ясно, что эти «условия» — лишь маскировка, лишь новый псевдоним все той же обанкротившейся на практике политики «жесткого курса», все той же политики диктата агрессивных кругов США, обуреваемых беспочвенными претензиями на мировое господство.

ЛИТЕРАТОР

* В ряду газетно-журнальной челяди Уолл-стрита этот журнал занимает, как известно, особое место. «Юнайтед Стейтс ньюс» (так его обычно именуют для краткости) рассчитан на вполне определенный контингент читателей — он предназначен для распространения в американских деловых кругах. А поэтому отличается прямотой и лаконизмом выражений: ведь г.г. бизнесменам некогда, да и не к чему читать различные словесные выкрутасы, какими обычно морочат голову рядовым американцам другие органы буржуазной печати, маскируя истинную сущность агрессивной политики США. — **Ред.**

** Имеется в виду поездка государственного секретаря США Даллеса в Сеул, где он буквально на завтра после подписания перемирия в Корее заключил формальный военный союз с марионеточным правительством Ли Сын Мана.— **Ред.**

*** Как известно, в своем выступлении 11 мая в английском парламенте премьер-министр Черчилль предложил безотлагательно созвать «совещание в самых высших сферах между ведущими державами». Международная общественность отметила тогда, что в отличие от некоторых государственных деятелей Запада британский премьер не связывает свое предложение с какими-либо предварительными обязательствами той или иной стороны.— **Ред.**

Международная почта

„ОПАСНАЯ“ ОТКРЫТКА

Под рисунком, изображавшим немолодую женщину, которая в тяжелом раздумье склонила голову над листом бумаги, стояли слова: «Помните, — половина человечества женщины, а женщины хотят мира».

Эту женщину нарисовал и эти строки написал на открытке молодой американец Марио Казетта. Во время второй мировой войны он служил в американских вооруженных силах на Тихом океане, а сейчас находится в Швейцарии и учится в Женеве на курсах художников-графиков.

Открытку Казетта вложил в конверт, конверт запечатал и письмо отправил своим друзьям. Вскоре американец получил приглашение явиться в швейцарскую федеральную полицию. Здесь ему предъявили фотокопию «опасной» открытки и подвергли длительному допросу о его взглядах... Марио Казетта отказался давать показания.

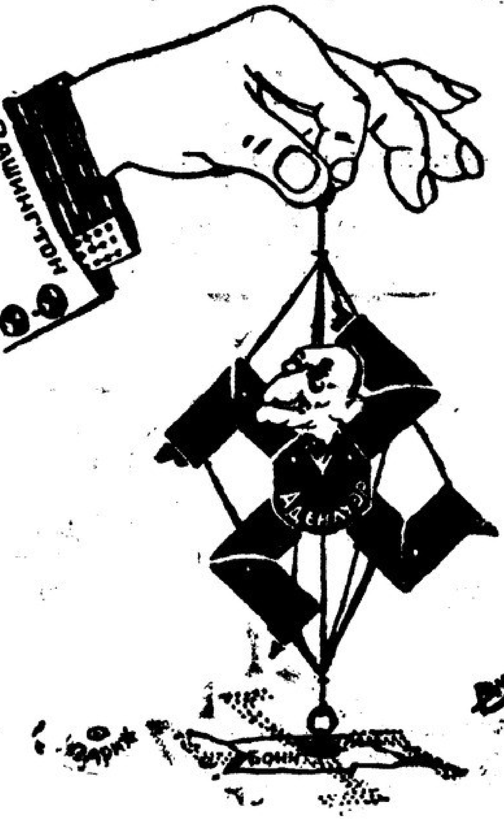
Швейцарская полиция не ограничилась допросом. Она поспешила донести об этой открытке представителям США в Швейцарии. И когда Марио Казетта и его жена обратились в американское консульство за продлением заграничных паспортов, им в этом отказали. Государственный департамент предложил им вернуться в США, чтобы предстать перед пресловутой комиссией по расследованию антиамериканской деятельности по обвинению в принадлежности к коммунистической партии «в настоящее время или в прошлом».

Марио Казетта и его жена написали в ответ на это требование письмо, исполненное мужества и достоинства: «Мы не дадим себя запугать; мы не подчинимся антидемократическим махинациям государственного департамента США, того самого госдепартамента, который сжигает книги и преследует тех, кто выступает в защиту мира».

История, которая произошла с Марио Казетта и его женой, показала всем швейцарцам, узнавшим о ней из прогрессивной газеты «Форвертс», как далеко зашла лакейская зависимость швейцарских властей от заокеанских «благодетелей» и американского ФБР.

ОКЛАД КАНЦЛЕРА

За некоторое время до парламентских выборов в Западной Германии боннский бундестаг принял по настоянию Аденауэра решение повысить оклад «федерального канцлера» (то есть того же Аденауэра!) более чем на 35 процентов. Если учесть, пишет немецкая газета «Фрейес фольк», что, помимо основного жалованья, в карман Аденауэра непрерывно поступают различные средства «на дорожные расходы», «на представительство» и т. д., то в общем размер получаемого им годового вознаграждения составит теперь 555.800 марок.

Боннский «канцлер»
Рисунок из французской газеты «Франс нувель»

Немецкая печать делает следующий небезинтересный подсчет. За один час (исходя из восьмичасового рабочего дня) Аденауэр получает 232 марки, что почти равняется месячному заработку западногерманского рабочего средней квалификации.

ЭКСПОРТ ГАНГСТЕРОВ

Подобно другим маршаллизованным странам, Италия превращена за последние годы в рынок сбыта товаров сомнительного качества с маркой «Сделано в США». Не собираясь подвергать здесь анализу итало-американские торговые отношения, мы хотим лишь обратить внимание читателей на одну любопытную статью американского вывоза в Италию, не упоминающуюся ни в одном торговом соглашении. Речь идет об экспорте... американских гангстеров.

Надо сказать, что спрос на гангстеров в самой Америке очень велик. Это одна из немногих «специальностей», представителям которой меньше всего угрожает безработица. В гангстерах нуждаются и партийные боссы — для того, чтобы обеспечить себе успех на выборах, и предприниматели — для борьбы с забастовщиками. Гангстеры «работают» в специальных «трестах убийств», при посредстве которых можно, уплатив по строго разработанной, сравнительно недорогой таксе, раз и навсегда избавиться от нежелательного вам лица, не нарушив при этом американских законов... Однако в последнее время предложение на внутреннем рынке настолько превышает спрос (напомним, что в США, по данным официальной статистики, каждую минуту совершается почти четыре крупных уголовных преступления), что это не может не вызвать беспокойство властей. Каков же выход?

Когда в Соединенных Штатах имеется избыток ненужных товаров, их сплавляют европейским союзникам «в порядке оказания помощи». И вот, как пишет римская газета «Унита», американское министерство юстиции наметило отправить из США в Италию партию гангстеров итальянского происхождения, прошедших основательную школу профессиональной подготовки. Предполагается, что в эту партию будут включены Томас Марино, Дик Чирчелла и экс-президент одного из «трестов убийств», «король баров» — Джо Адонис. На набережной в Неаполе их встретит ранее импортированный в Италию «Лакки» Лючано — руководитель банды, в которую входил Томас Марино.

Итальянские власти, по сообщениям печати, оказывают некоторое сопротивление этому принудительному экспорту, мотивируя, в частности, свои возражения против Джо Адониса тем, что у него не в порядке документы. Но есть основания полагать, что американские власти преодолеют это препятствие и навяжут Италии и этот «товар»...

НАУКА В НУЖДЕ

«В Австрии существует закон о культуре... Однако, к сожалению, он предусматривает расходы на культуру не в шиллингах, а в грошах, он так и называется «культургрошенгезетц»... Австрийской науке не остается ничего иного, как попрошайничать, поститься, жить на подаянии...».

Эти слова принадлежат профессору Венского университета Маринелли, опубликовавшему в газете «Арбейтер цейтунг» статью «Наука в нужде». И, действительно, правительство Австрии ассигнует огромные средства на мероприятия, прямо или косвенно связанные с военными приготовлениями, а культурные запросы населения игнорируются. На расходы по высшей школе и научно-исследовательским учреждениям в государственном бюджете 1953 года предусмотрено немногим более полпроцента.

— Доктор медицины? Так, так... Ну, в таком случае я, быть может, смогу устроить вас уборщицей в общественной уборной...

Рисунок из журнала «Зоннтаг»

Труд научных работников оплачивается плохо. По свидетельству австрийской печати, преподаватели высших учебных заведений Австрии получают самую низкую заработную плату в мире, не считая Греции.

Страшным бичом является безработица, свирепствующая среди интеллигенции. Почти никто из окончивших за последние годы педагогические учебные заведения не смог устроиться на работу. Люди ищут любую возможность добывать средства к существованию. Газета «Тагебух» приводит такой пример — один из многих: способный художник, чтобы не умереть от голода, стал дровосеком, его жена работает служанкой. По официальным данным, в Вене насчитываются 33 портных, 46 пекарей, 5 поваров и один рабочий по очистке каналов, имеющих степень доктора наук!

Спасаясь от нищеты, многие деятели культуры эмигрируют в другие страны. В результате профессорско-преподавательский состав Венского и Грацского университетов сократился на 30 процентов. Во время одной из студенческих забастовок, происходивших в прошлом году в Вене, демонстранты пронесли по улицам транспарант с выразительной надписью: «Австрия — самая здоровая страна в мире, ибо в ней не умер ни один из лауреатов Нобелевской премии: все они до единого эмигрировали за границу...».

„СКУЛЬПТУРА“ ТОЛСТОСУМОВ

Последний «крик моды» в области скульптуры в США — это «роботистические фигуры». Робот, механический человек, агрегат с руками и ногами, регулируемый мотором, — вот идеал, о котором мечтают американские толстосумы. Механический человек будет безотказно работать и не требовать увеличения заработной платы, не станет объявлять забастовки, бороться за мир...

Нашлись услужливые руки, придавшие этой мечте, так сказать, осязаемые формы. На фотографии, взятой нами из немецкого журнала «Цейт им бильд», показан один из образцов «роботистических фигур», сколоченных из гаек, болтов, зубчатых колес и т. п. Это отнюдь не изделие какого-либо досужего слесаря. Воспроизведенная здесь «скульптура» является признанным «шедевром искусства» — она получила первую премию на художественной выставке в американском городе Лос-Анжелосе...

Смесь

Есть чем гордиться! Орган демократической партии Турции газета «Зафер», являющаяся правительственным официозом, с гордостью сообщила крупным шрифтом на первой странице: «В течение трех лет мы завершили строительство 130 тюрем». Это сообщение вызвало ироническую реплику со стороны газеты «Улус», издаваемой оппозиционной народно-республиканской партией: «А что они еще могут сделать? Взгляните, за три года они превратили всю страну в темницу!».

Американские «игрушки». С самого раннего возраста американским детям прививают зверские, человеконенавистнические инстинкты. Известно, что магазины США завалены такими игрушками, как наборы гангстерских «инструментов», модели атомной бомбы и т. д. Сейчас американские фабриканты игрушек изобрели для детей новую «забаву». Западногерманская буржуазная газета «Ахт-ур-блатт» пишет: «Новейшим аттракционом на американском рынке игрушек является полный набор орудий казни. Дети могут соответственно их индивидуальным желаниям выбрать, — хотят ли они приобрести гильотину или электрический стул».

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приношу глубокую благодарность всем общественным организациям и лицам, выразившим мне соболезнование по поводу понесенной мною тяжелой утраты — смерти моей жены Софии Михайловны.

С. МАРШАК

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета), Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03832.